
Джил Мэри Ландис
Любовный венок

Джил Мари Лэндис

Пока не наступит завтра (Любовный венок)

OCR Dinny
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159709
Любовный венок: Олма-Пресс; Москва; 1995
ISBN 5-87322-235-5

Аннотация

Возвращаясь домой, в край, разоренный войной, молодой офицер Дейк Рид встречает умирающую женщину и даст клятву спасти ее ребенка. Он остается среди бескрайних канзасских прерий с новорожденным на руках ...

На помощь ему приходит Кара Джеймс. Вместе они пускаются в трудный путь к дому, К счастью, к любви, преодолевающей все препятствия.

Содержание

ПРОЛОГ 4
ГЛАВА ПЕРВАЯ 14
ГЛАВА ВТОРАЯ 41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 72
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 95
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Джил Мэри Лэндис
Пока не настанет завтра
(Любовный венок)

Посвящается Гарри и Филлис Ландисам, Роберту Холли Дэвису, Элин Мэри Ландис. Мелинде Данн, члену правления «Олд-Стейт Банка» города Декейтер в штате Алабама за ее любезные ответы на великое множество вопросов. Джонатану Баггсу, сотруднику «Декейтер Дейли» за помощь. И Ненни Руби – еще раз – за ее мудрость и знание жизни.

«О Господи, когда б могли прочесть мы Книгу судеб!»
В. Шекспир. «Генрих IV»

ПРОЛОГ

Сентябрь 1867

Одинокий всадник скакал по болотистым берегам реки Неошо. Ему казалось, что он едет по Канзасу уже много недель. На самом деле прошло всего несколько дней. Он пересекал плоские низкие равнины и широкие, долины, радовался, встречая изредка рощи красного кедра, лип, дубов и

черного орешника, дававшие укрытие в те ночи, когда он оказывался вдали от поселений. Спеша на юго-восток, он оставил позади форт Додж и голые прерии – открытое ветрам безграничное пространство, покрытое выжженной травой.

Одежда его была новой. Незнакомой. Семь лет оп носил синее обмундирование юнионистов.[2] Но в Алабаме, куда направлялся Дейк Рид, его старая форма была не нужна. Маркитант в форте снабдил его новыми штанами из грубой плотной ткани и рубашкой, кроме того, Дейк стал гордым обладателем куртки из оленьей кожи с бахромой. Она ему так поправилась, что он заплатил за нее неслыханные деньги какому-то типу из графства Киова. Кожа была отлично выделана до бархатистой мягкости, и куртка так подчеркивала ширину плеч, словно была сшита на заказ.

За несколько дней Дейк просто «сросся» с оленьей кожей. Он решил, что это не только потому, что куртка гораздо удобнее его прежней тяжелой шерстяной формы. Дело в том, что она другого цвета: синие и серые цвета формы напоминали Риду о войне. Казалось, эта куртка стала символом окончания его службы на границе. Наконец-то война и армия остались позади.

Он уселся поудобнее в седле и надвинул свою черную

---

[2] Юнионисты поддерживали федеральное правительство США во время гражданской войны в США в 1861-1865 гг. Юнионисты-северяне выступали за отмену рабства против конфедератов-южан. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

шляпу на лоб. Тут внимание Дейка привлекло какое-то темное пятно, выделявшееся на холме, который возвышался на его пути. На таком расстоянии он не мог определить, что это было. Дейк пришпорил коня и поскакал вперед.

Судя по всему, он приближался к Освего – поселению на западном берегу реки Неошо, которое было чуть покрупнее небольшой фактории. Здесь раньше ходил паром через реку, но с тех пор, как началась война, ни один путешественник не мог быть уверен, что он найдет все на своих местах. Чем ближе Рид был к границе штата Миссури, тем труднее ему было сдерживать беспокойство. Оставляя дом, он думал, что никогда не вернется в Алабаму. И в самом деле: война, военная карьера на многие годы задержали его. А месяц назад, когда молодой человек раздумывал, не остаться ли ему на сверхсрочную службу, оп получил письмо. Конверт был сильно измят: видно, он давно путешествовал с военной почтой. Письмо звало Дейка Рида домой.

Темное пятно на холме обрело очертания прямоугольника, похожего на ящик. По привычке Дейк уже было поднял руку: этим жестом он всегда подзывал разведчика, чтобы послать его вперед, но тут же с болью осознал, что совершенно один. После трех дней пути он еще не привык быть в одиночестве: ведь он так долго командовал массой людей. Рид поправил шляпу и пустил своего горячего гнедого скакуна по кличке Генерал Шерман галопом.

Через несколько сот ярдов он понял, что прямоугольник –

это не что иное, как дно перевернутого на бок фургона. Дейк был уже совсем близко, когда увидел разбросанную по земле домашнюю утварь; темные фигуры, лежавшие неподалеку, оказались телами людей, брошенными, словно поломанные куклы, на залитую кровью сухую траву.

Кровь застыла в его жилах. Дейк сжал рукоять пистолета.

Нигде не было видно лошадей. Тот, кто напал на путешественников, видимо, увел их. Когда Рид спешился, его взгляд приковало тело мужчины. Это был хорошо сложенный мулат, он лежал, уткнувшись лицом в траву. Его шея была неестественным образом вывернута. На войне Рид повидал достаточно убитых, чтобы понять – этому негру уже не помочь. На спине одежда путешественника была залита кровью, виднелись и пулевые отверстия.

Но тут Дейк заметил съежившееся тело женщины. Он встал на колени около негритянки, казавшейся на несколько лет старше мужчины. Один взгляд – и он понял, что тут тоже делать что-либо уже поздно. Он осторожно дотронулся до ее плеча. Кожа была холодной. На сердце у него было тяжело. Конец войны не остановил ненависть и бессмысленное кровопролитие, а только загнал их вглубь. Глядя на безжизненную фигуру женщины, Рид размышлял о том, куда направлялись эти степные странники, какие мечты гнали их вперед? Ч то поддерживало их в рабстве, а потом в обретенной свободе – свободе, которая привела их к этому страшному концу на канзасской равнине?

Дейк вдруг оцепенел: откуда-то из-за перевернутого фургона раздался тихий жалобный стон. От этого звука по его спине пополз холодок. Рид встал и обошел место происшествия. На земле, среди разбросанных вещей и продуктов, лежала еще одна женщина. Красавица-блондинка. Ее лицо, покрытое испариной, было в пыли. От боли она едва дышала, а ее руки запутались в складках окровавленных юбок. Дейк опустился на колени, отбросил с ее лица спутавшиеся волосы и тихо спросил:

– Мэм?

– Слава Богу, – прошептала она, не открывая глаз. – Мой ребенок ... Спасите моего ребенка!

Дейк оглядел местность вокруг разбитого фургона, но не обнаружил никакого ребенка.

Он задумался о том, как бы сообщить женщине, что ребенка здесь нет.

– Мэм ...

Она схватила его за руку.

– Нет времени ... Скорее ... Ребенок ...

Рид посмотрел на некогда элегантные шелковые юбки. Они были измяты и насквозь пропитаны кровью. Он увидел, как по ним расползается большое темное пятно.

Ребенок?..

Дейк посмотрел на загорелое лицо женщины. Загар лишь подчеркивал ее бледность. Она облизала потрескавшиеся губы и снова застонала, вцепившись в юбку руками.

Молодой человек не стал терять время. Сунув пистолет в кобуру, он задрал ей юбки до пояса. Зрелище, представшее глазам Дейка, едва не заставило его отшатнуться. Только что родившийся младенец лежал между ног женщины, залитый кровью своей матери.

– Мой ребенок ... – Она попыталась приподнять голову, но тут же откинулась назад. Ее глаза открылись. Они были темно-карие.

Дейк поднял с земли новорожденного мальчика. Чтобы не оставлять его в грязи, он положил младенца на живот матери. Женщина подняла руку, тронула ребенка. Затем ее рука упала. Рожденный и выросший на плантации, где жизнь, смерть и произведение потомства были делом житейским, Дейк знал о родах достаточно и представлял себе, что надо делать.

Оторвав кусок узкого кружева, украшавшего нижнюю юбку женщины, он быстро стянул им пуповину. Потом вытащил из-за голенища нож и перерезал живую нить, затем он стер слизь со рта ребенка, приподнял мальчика за лодыжки и резко шлепнул его по попке. Дейк был вознагражден сильным, сердитым криком.

– Спасибо вам ... – Голос женщины был так слаб, что он едва мог разобрать ее слова.

Взглянув, он увидел, что у нее все еще было кровотечение. Рид понял, что больше для нее он ничего сделать не может. Ребенок продолжал кричать. Дейк принялся разыс-

кивать среди выброшенных из фургона вещей одеяло и нашел узел с постельным бельем. Он быстро оторвал от простыни небольшой квадратный кусок и завернул в него ребенка. Держа малыша на руке, Рид вернулся к его матери и снова опустился возле нее на колени. Он знал, что у него совсем мало времени для того, чтобы выяснить все необходимое.

– Мэм, как вас зовут?

Она облизнула сухие губы:

– Анна. Анна Клейтон ...

Несмотря на то, что ему пришлось наклониться прямо к ее рту, чтобы разобрать, что она шепчет, он узнал мягкий, тягучий южный акцент – похожий на его собственный.

– Мисс Клейтон, вы можете мне ответить, откуда вы? Где ваша семья?

– Гадсден.

Алабама. И совсем недалеко от его дома в Декейтере.

– Ваш муж? – торопил Дейк.

Она прерывисто вздохнула:

– Умер ...

Рид так и думал. Не увидев мужа, он сразу сообразил, что перед ним – молодая вдова, направлявшаяся в сопровождении двух слуг в Канзас. Глядя на нее, он понял, что времени больше нет.

– Кто это сделал?

Дейк хотел знать. Тела других уже остыли. У преступников было время скрыться.

Ответом ему был долгий, судорожный вздох, вслед за которым некогда очаровательная девушка, едва став матерью, умерла. Ребенок в руках Дейка извивался и пытался возить носом по груди молодого человека. Рид отодвинул мальчика от своей куртки из оленьей кожи.

– Черт! Что же теперь? – воскликнул он.

Дейк присел на корточки, сдвинул шляпу на затылок и оглядел место происшествия. Солнце уже садилось. Ему хотелось похоронить убитых, но он не успевал уже выкопать могилы до темноты.

Рид не собирался разбивать лагерь на открытом месте, а тем более в компании трех трупов, которые наверняка привлекут волков. Дейк бережно положил младенца на стеганое одеяло, найденное среди камней, а сам вернулся к его матери. Он подтащил ее безжизненное тело к борту фургона и скрестил ей на груди руки.

Тут солнце вспыхнуло на чем-то блестящем: Дейк увидел золотой браслет на руке женщины. На нем была необычная гравировка: звезды и полумесяц. Он решил, что родные женщины наверняка узнают это украшение, поэтому расстегнул застежку и снял браслет с запястья Анны Клейтон. Положив его в карман, он отправился за двумя другими телами.

Рид уложил слуг рядом с госпожой. Потом встал, ухватился за борт тяжелого фургона и раскачивал его до тех пор, пока тот не упал. Дейк отскочил и почувствовал, что земля под ним содрогнулась, когда тяжелая деревянная повозка пере-

вернулась и накрыла тела. Этот склеп защитит погибших от волков и других хищников – по крайней мере, на время. Он отогнал от себя наводящую ужас мысль о том, что обнаружит следующий путешественник под перевернутым фургоном.

Ребенок спал на своем импровизированном ложе. Дейк вновь взял его на руки: малыш был совсем невесомым. У него, как почти у всех новорожденных, на головке был влажный кудрявый рыжеватый хохолок, носик неопределенной формы и круглая мордашка. Он был скорее похож на сморщенного старичка, чем на ребенка. Дейк подобрал смятое стеганое одеяло и подошел к Генералу Шерману, который был привязан невдалеке. Молодой человек на мгновение задумался о том, как везти малыша, а потом решил положить его за пазуху, чтобы руки оставались свободными. Он оторвал еще один кусок от простыни и осторожно запеленал ребенка, чтобы не испачкать подкладку куртки.

Он расстегнул куртку и удобно пристроил ребенка у себя на груди. Только пуговицы слегка тянули. Потом свернул одеяло и привязал его сзади к седлу поверх своей собственной постели.

Придерживая одной рукой драгоценный груз, лежавший у него под курткой, Дейк вскочил в седло и снова направил коня на юго-восток. Поглядывая на заходящее солнце, он убеждал себя, что до темноты обязательно встретит если не селение, то хотя бы хижину. Где-то, думал Дейк Рид, в этом пространстве между небом и землей на пути в Алабаму, он

найдет того, кто поможет ему позаботиться об осиротевшем сыне Анны Клейтон, пусть даже и за деньги.

Малыш у него за пазухой выразил свой протест против езды верхом тихим кошачьим мяуканьем, а затем затих, уютно устроившись у самого сердца Дейка.

> Господь всегда дает пауку достаточно пряжи, чтобы сплести паутину.
> *Ненни Джеймс*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Заброшенные колеи от фургонов протянулись через степную возвышенность, окружавшую усадьбу Джеймсов. На земле валялись потемневшие и поломанные стебли кукурузы, урожай которой давно собрали. Вдали, за лесом, виднелся невысокий горный хребет. Неподалеку росло одинокое ореховое дерево. В его густой тени внимательный путешественник мог увидеть четыре деревянных креста. Три были уже потемневшими от времени, один – совсем новый.

В Канзасе – краю, столь любимом многими за красоту, каждое лето в изобилии вырастали цветы: шпорник, турецкая гвоздика, степные розы, японские лилии, дикий лук. Землю здесь можно возделывать даже при лунном свете, да и каменного угля достаточно. Но, конечно, не все, что давала природа, было во благо людям. Ураганы, вихрем проносившиеся над этим краем, приносили ливни. Ливни приводили к наводнениям.

Пристроившаяся у склона горы хижина была почти незаметна, и на первый взгляд место казалось необитаемым. Но внутри домика Кара Кальвиния Джеймс мурлыкала песенку, украсив сосновый стол единственным украшением, которое у нее было.

Отступив назад, чтобы полюбоваться своей работой, девушка подумала и добавила к украшению букетик высушен-

ного шпорника в светлом кувшинчике.

– Ну вот. Достаточно красиво, надо сказать, – произнесла она.

Девушка снова запела – на этот раз она исполнила припев к «Прекрасному мечтателю». Кара закружилась в вальсе с воображаемым партнером так, что комната поплыла у нее перед глазами и юбка закрутилась вокруг ног. Она легко касалась ногами утоптанного земляного пола, пританцовывая вокруг стола, стоявшего посередине ее хижины.

Вальсируя, она оказалась у дверей. На грубом деревянном косяке висело красное индейское одеяло с обтрепанными краями. Оно колыхалось на ветру. Приподняв одеяло и проскользнув под ним, Кара отбросила гриву светлых кудрявых волос с лица и посмотрела на запад. Прикрыв глаза рукой, она смотрела на красный шар, висевший низко над горизонтом и расцвечивавший небо сверкающими розовыми и оранжевыми полосами.

Перед домом, на клочке утоптанной земли, был устроен очаг, который летом служил ей кухней, в почерневшем котелке варилась курица. В такой вечер никаких кукурузных лепешек. Это был ее день рождения, и, как говаривала Ненни Джеймс: «Человек – кузнец своего счастья».

Так как вокруг не было никого, кто мог бы ее поздравить, Кара решила, что если уж она сама не поздравит себя с двадцатилетием, то мир воистину станет очень печален.

Из корзины, висевшей возле очага, Кара вытащила ложку

с длинной ручкой. Сунув ее в котелок, девушка попыталась подцепить курицу, чтобы проверить, готова ли она. Да и пора было уже добавить лук и морковь.

Овощи лежали в джутовом мешке, пришпиленном к стене. Единственным, что она еще не упаковала перед отъездом из Канзаса, была коллекция самодельных кукол. Эти куклы лежали на дощатых полках, окружавших комнату. Всего было двадцать кукол. Кара сделала их сама из кусочков и обрезков старой одежды. У некоторых кукол лица были сделаны из орехов и сушеных яблок. Остальные – целиком тряпичные. А одну из своих самых любимых игрушек девушка смастерила из столбика кровати.

Раньше Кара никогда не видела кукол с тряпичными лицами. Но, пришив своим игрушкам глаза-пуговицы, украсив их обрывками кружев и настриженными рыжими лоскутками, изображавшими волосы, девушка решила, что ее куклы довольно привлекательны, а может, даже и прекрасны.

Кара взяла из мешка четыре морковки и луковицу. Овощи она собиралась жарить на большой гнутой сковороде, лежавшей на грубой деревянной скамье во дворе. Девушка не переставала благодарить Бога за богатый урожай овощей, который она собрала. Но все же это не Калифорния. Девушка была уверена, что уж там-то она не будет голодать, найдет и работу, и жилье.

Неизвестно, что принесет будущее. Но, возясь с овощами, Кара поклялась, что не будет всю жизнь привязана к этому

забытому Богом клочку земли, от которого ближайшее поселение в пяти милях. Это место – мечта ее отца, но не ее.

Эверет Джеймс всегда был мечтателем. Но уже к десяти годам Кара перестала верить в то, что его мечты когда-нибудь сбудутся. Их эмиграция в Канзас – его «великолепная возможность», оплаченная группой восточных аболиционистов...[3] Предполагалось, что все это предпринято для того, чтобы в конце концов оказаться в Калифорнии. Но они так и не попали туда. Мечта рухнула, когда отца убили южане, которые тайно проникали в Канзас через Миссури. И хотя Кара в то время была еще ребенком, ей пришлось принимать участие в сражениях вместе с бабушкой, матерью и старшим братом Вилли. Той зимой они не только голодали. Они жили в постоянном страхе перед бродячими бандами, готовыми прогнать поселенцев, которые выступают за свободный Канзас.

А потом земля поглотила всех – одного за другим. Ее мать умерла от тифа три года назад. Вскоре за ней последовала Ненни Джеймс. Вили – ее серьезный, ответственный, взрослый брат умер месяц назад, свалившись со стога сена и сломав себе шею.

Каре так не хватало их всех: отца и его мечтаний, простой улыбки матери, мудрости бабушки·Ненни. Но труднее всего ей было пережить смерть Вилли, так как он был ее ближайшим другом и постоянным спутником.

---

[3] Аболиционисты-сторонники движения за отмену рабства.

Чувствуя себя забытой и одинокой, Кара посмотрела вдаль и смахнула с глаз слезы. Ее ближайшие соседи жили далеко: полдня ходьбы от ее дома. Это была шумная семья из десяти человек. Все Диксоны помогали хоронить Вилли.

Хутер Диксон, второй по старшинству сын, решил воспользоваться случаем и предложил ей выйти за него замуж. Кара взглянула на него – почти беззубого, с жиденькими волосами – и отказалась. Ничуть не обидевшись, Хутер пообещал ей помочь посадить весной кукурузу.

Кара уселась на скамейку и собралась чистить овощи. Она уже почистила морковь, как вдруг до нее донесся топот копыт. А затем она увидела на западе всадника. Он направлялся прямо к ее дому.

Непросто было разглядеть ее хижину. Но ее выдал дым, поднимающийся из очага на открытой кухне.

Взволнованная и испуганная, Кара отложила морковь и снова откинула с лица волосы. Она увидела мужчину. В лучах заходящего солнца он показался ей просто великаном.

Девушка бросилась в дом, схватила заряженный пистолет, который обычно лежал наготове возле двери, и осторожно вышла наружу. После войны появилось много бродяг, и Вилли всегда предупреждал ее, что надо принимать меры предосторожности, прежде чем пускать незнакомца в дом. Спрятав пистолет в складках своей полинявшей желтой юбки, она приготовилась встретить этого странника на огромном гнедом коне.

Он подъехал прямо к хижине. Кара наблюдала, как он слезал с лошади. Ей пришло в голову, что он, наверное, ранен: незнакомец двигался очень осторожно. К тому же одной рукой он придерживал живот. Его загорелое лицо, видневшееся под полями большой черной шляпы, было суровым, но привлекательным. У него был прямой нос. Глубокие складки вокруг рта. Красивые узкие брови были прямыми.

Их глаза встретились. Девушка подумала, что она никогда до этого не видела глаз такого чистого зеленого цвета. Они казались бездонными. Его нельзя было сравнить ни с кем, кого она когда-либо встречала. Хутер Диксон недостоин даже свечу перед ним держать. Словом, незнакомец был невероятно хорош собой.

Кара посмотрела на его запыленные сапоги, затем увидела кобуру, пристегнутую к ремню на бедрах. Ее рука сжала пистолет. Она шагнула вперед.

– Как дела, мистер? – крикнула она.

Дейк придержал рукой спящего у него за пазухой младенца, так как боялся разбудить его. Молодой человек внимательно оглядел утоптанный земляной дворик перед хижиной, сломанное колесо, обрывки проволоки, тростниковый стул без сиденья со сломанной ножкой, оленьи рога. Сорняки и обломки плетеной корзины валялись на земле. Его взгляд остановился на тряпке, прикрывавшей вход в дом. Судя по виду растрепанной блондинки, стоявшей босиком на земле, в доме было полно людей.

Он оглядел девушку. Она была среднего роста и такая хрупкая, что выцветшее желтое платье висело на ней, как на вешалке, скрывая изящество фигуры. От его взгляда не ускользнуло, как поднимаются при дыхании упругие груди. А поскольку платье было размера на два больше и на фут короче, чем надо, то из-под юбки виднелись ее ноги, потемневшие от загара и запорошенные сухой степной землей. Она смотрела на него своими голубыми глазами, сиявшими из-под светлых кудрей, падавших на лицо. Пока он наблюдал за ней, она уже в третий раз откинула волосы со лба. Дейку так и хотелось спросить, не пробовала ли она завязывать волосы сзади, но тут он вдруг поймал себя на мысли, что с удовольствием сам бы расчесал их ей.

У девушки был большой рот. А ее полные надутые губки привели бы в смущение и святого. На вид ей было не больше семнадцати-восемнадцати.

Молодому человеку пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, зачем он, собственно, сюда приехал. Через голову девушки он заглянул в хижину. Похоже, больше там никого не было. Он снова посмотрел на нее.

– Мне нужна ваша помощь, – сказал он без предисловий.

Она посмотрела на него с любопытством.

– Джонни Раб, а?

Ему не скрыть своего южного акцента.

– По происхождению я из Алабамы, мэм. Хотя и из армии юнионистов.

Он увидел, как ее брови удивленно поползли вверх. Она задумчиво смотрела на него, как бы проверяя правдивость его слов. Девушка даже не переменила позы.

– Что вам нужно?

В ответ он похлопал по свертку у себя за пазухой.

– Я ...

Она перебила его:

– Вы ранены?

Дейк опешил:

– Почему?

– Потому что вы слезали с коня, как старик, и все время придерживаете живот.

Он посмотрел на свою руку, которая покоилась на его куртке.

– Вы не возражаете, если мы войдем внутрь?

– Возражаю. Я сроду вас не видала.

Дейк кивнул. Пусть так. Медленно и осторожно он стал расстегивать пуговицы на куртке, бережно придерживая ребенка, лежавшего внутри. Подняв голову, молодой человек увидел, что Кара смотрит на него с изумлением.

– Я сгораю от любопытства, – прошептала она, шагнув вперед. – Что это у вас там?

– Ребенок.

– Я вижу.

Она протянула палец и погладила рыжеватые кудряшки малыша, которые, как по волшебству, обвились вокруг ее

пальца.

– Девочка или мальчик?

– Мальчик.

– Ваш?

– Нет. Определенно не мой, – уверил он Кару.

– А где вы его взяли?

– Я ехал вдоль Неошо и натолкнулся на трех человек, попавших в западню. Судя по их виду, это были жители поместья. Женщина только что родила. Вместе с ней было двое слуг. Оба – мертвые. Она сказала мне, откуда она, назвала свое имя и умерла. Уже два часа я ищу место, где бы сделать привал.

Девушка смотрела на ребенка с таким выражением, что молодой человек решил, что она не поверила ни одному его слову. Подумав, он добавил:

– Я – Дейк Рид. До прошлой недели я был капитаном армии, расквартированной в Додже.

Дейк посмотрел на ее золотые кудри. Она улыбнулась малышу, когда он вытащил его из-под куртки. Простыни, в которые он запеленал новорожденного, были в крови его матери. Дейк нахмурился, увидев сырое пятно на своей рубашке. Потом он вспомнил, сколько денег выложил за прекрасную куртку из оленьей кожи.

Девушка отошла назад и скрестила на груди руки. Только тут он увидел ее пистолет.

– Я – Кара. Кара Кальвиния Джеймс.

Она не шевельнулась и не предложила взять у него ребенка, а разглядывала малыша, раздумывая, верить или не верить рассказу Дейка. В конце концов, она кивнула на дом.

– Внесите его.

Им пришлось нагнуться, чтобы пролезть под одеялом, закрывавшим дверной проем. Дейк согнулся почти пополам. Оказавшись внутри, он выпрямился в темноте. Пахло плесенью и луком. Домик лепился к горе, так что ее склон служил задней стеной комнаты, в которую попал Дейк. Пол был земляным. Подойдя к столу, Дейк обратил внимание, что в комнате нет никаких удобств. К тому же темно, как в пещере.

Тусклый свет пробивался сквозь промасленную бумагу, заменявшую стекла в двух маленьких окошках на передней стене. Стол, три разных стула и продавленный веревочный матрас составляли всю обстановку комнаты. Но было похоже, что Кара Кальвиния Джеймс жила здесь не одна.

– Вы можете положить его здесь.

Держа пистолет в руке, Кара указала на стол и стала наблюдать за великаном, который неуклюже держал ребенка на согнутой руке. Она смотрела, как он пытался найти свободный уголок на расшатанном столе.

Молодой человек поднял глаза, внимательно рассматривая Кару. Она вздернула подбородок и отвернулась. Ее руки судорожно сжали рукоятку пистолета. Она не могла себе представить, что человек, остановившийся помочь умирающей женщине и спасший новорожденного, мог причинить ей

вред. Но она уже сказала ему, что сроду не видела ни его, ни ребенка. Поэтому до тех нор, пока она не решит, что ему можно доверять, она глаз с него не спустит и не выпустит из рук пистолета.

Младенец заплакал, и их мысли сразу вернулись к нему.

– У вас есть корова? – спросил Дейк.

– Ко-ро-ва?! У меня была корова. Я ее только что продала вместе со свиньями. Получила неплохие деньги. Двадцать долларов.

– Черт, – пробормотал Дейк.

Решив, что он недоволен, Кара сказала:

– Я думала, это неплохая сделка.

Дейк покачал головой и положил ребенка на стол.

– Я хотел лишь сказать: жаль, что вы продали корову. Этому малышу нужно молоко. Не знаю, сколько он протянет без еды.

– Но у меня еще есть коза, которая дает молоко, – предложила девушка.

Рид наклонился, чтобы развернуть мальчика.

– Думаете, это поможет ему?

Кара пожала плечами.

– Почему бы и нет?

Малыш был очень грязным.

– Может, его стоит помыть, или что-то в этом роде?

Кара покосилась на кусок отрезанной пуповины и на испачканное одеяло.

– Он может простудиться.

Дейк вздохнул. На плантации он повидал многое, поэтому смог принять роды. Но он и понятия не имел о том, как ухаживать за новорожденным.

– Вы считаете, если вымыть его, это не причинит ему вреда?

– Просто оботрите его. К тому же ему нужна пеленка, это уж точно.

Дейк посмотрел на нее с надеждой.

– А у вас есть?

– Не-а ... – Она сразу покраснела. – Но у меня есть чистые тряпки ... на всякий случай ...

– Может, вы займетесь мальчиком, а я пока подою козу?

– Мне заняться ребенком? Да я в этом ничего не смыслю.

Одно лишь предложение остаться наедине с этим извивающимся свертком привело Кару в ужас. А если она его уронит?

Девушка отвела взгляд от ребенка. Близость Дейка пугала ее. Она так долго была одна, что, оказавшись рядом с этим человеком с задумчивыми зелеными глазами, Кара едва переводила дыхание. Она отступила назад. «Кто он на самом деле?» – размышляла она. Он появился перед ней чистый и трезвый. К тому же он был красив, лишь морщинки вокруг глаз портили его внешность. Молодой человек просил ее позаботиться о младенце, которого он вытащил из-за пазухи, а она даже не представляла, как это делается. Единственными

детьми, с которыми она имела дело, были дети Диксонов, но она проводила с ними не так уж много времени.

Кара вдруг поймала на себе пристальный взгляд и снова отступила назад.

– Мистер Рид, я не знаю, как с ним обращаться. Мне кажется, вы это сделаете лучше. К тому же, если вы сами отправитесь к мисс Люси, то можете и на неприятности нарваться.

– А кто это – мисс Люси?

Кара вздохнула.

– Моя коза. Она пасется где-то у ручья, но я не думаю, что она позволит вам подоить ее или привести сюда. Что если я схожу за молоком, а вы займетесь мальчиком?

Не успел Дейк возразить, как она оказалась у выхода. Девушка задержалась в дверях и, помедлив, спросила:

– Вы ведь не собираетесь уехать, оставив меня с младенцем, пока я буду ходить за молоком?

Дейк покачал головой и улыбнулся:

– Нет, мисс Джеймс, не собираюсь. Ведь я пообещал его умирающей матери доставить мальчика в целости и сохранности в Алабаму. И я собираюсь сдержать свое слово.

– Прекрасно. Тогда я пошла.

– О, мисс Джеймс ...

Она снова повернулась к нему и остановилась, держась рукой за косяк двери. Сквозняк раздувал одеяло и подол ее юбки. Она заметила, что он покосился на ее ноги, затем снова взглянул ей в лицо.

– Ну что?

– Вы устанете, если отправитесь к козе с пистолетом. Клянусь, я честный человек. Вы не должны меня бояться.

Сердце затрепетало у нее в груди, на щеках вспыхнул румянец. Малыш, лежавший на середине стола, сосал пальчик. Его сонные чернильно-синие глаза доверчиво смотрели на высокого человека. Кара почувствовала, что пистолет и впрямь слишком тяжел. Девушка решила поверить Дейку на слово.

Положив оружие на трехногую табуретку у двери, она сказала Дейку:

– Во дворе есть котелок. В нем можно согреть воду.

С этими словами она скользнула за одеяло и оставила Рида одного.

Уже почти стемнело, когда Кара вернулась в свою хижину. Она принесла почти четверть ведра козьего молока. Ручей, где паслась коза, был всего в нескольких минутах ходьбы, но Люси имела привычку забредать куда-нибудь подальше. Впрочем, она всегда с удивительной точностью возвращалась ко времени дойки.

Когда до холма было уже рукой подать, Кара вспомнила про курицу и почувствовала, что голодна. Она проклинала себя за забывчивость. За всю жизнь она так и не поняла, почему важно засекать время, когда готовишь. И теперь ее долгожданная праздничная трапеза, кажется, испортил ась – ку-

рица, наверняка, переварилась. Правда, были еще овощи. И во имя гостеприимства она должна была пригласить Дейка к столу и разделить с ним свою скромную трапезу.

К тому же она поняла, что не сможет выгнать его из дома в темноту, да еще с ребенком. Это было бы неправильно. Она знала, что в степи принято делить с путниками еду и жилье. Путешественников, правда, было немного, приезжали они редко, и судили о них исключительно по их внешности. Девушка помнила каждый случай, когда семья собиралась за столом, и до глубокой ночи все слушали истории усталых странников о далеких краях.

Так и следовало поступать, но с тех пор как Кара осталась одна, никто не заезжал к ней. Она старалась понять, что за человек был Дейк Рид, прежде чем приглашать его остаться на ночь.

Обойдя дом, она увидела Дейка, стоявшего в свете лампы, который пробивался из окна. Кара остановилась на секунду: ей хотелось полюбоваться молодым человеком, прежде чем он ее увидит. Похоже, он зажег все лампы. Рид откинул одеяло, и она видела, как он, прижимая к себе ребенка, нежно поглаживал малыша по спинке. В этот момент Кара поняла: Дейк Рид сказал правду, он не причинит ей вреда.

– Я нашла ее, – крикнула девушка, чтобы нарушить молчание.

Она помахала ведром перед Дейком и посмотрела на него.

– В чем дело? – прошептала девушка.

Он, тоже шепотом, ответил:

– Малыш плакал и беспокоился с тех пор, как вы ушли. Он только что затих.

– А вы завернули его в пеленку?

Секунду помедлив, он ответил:

– Да, но не спрашивайте меня, как. Он крепко спит.

Кара увидела, что его плечи опустились. Дейк вздохнул и добавил раздраженно:

– Я просто умираю с голоду.

Ее сердце дрогнуло, когда она увидела, как он переложил мальчика на другую руку.

– Я знала это, – пробормотала девушка, думая о маленькой курице в котелке.

Совесть подсказывала ей, что надо пригласить его на ужин, хотя она и намеревалась отметить круглую дату своего рождения в одиночестве.

– Мистер Рид, наверное, я чувствую себя так же неловко, как и вы ...

– Возможно, так и есть, – пробормотал Дейк, пристраивая младенца на плече. Он завернул его в стеганое одеяло, но маленькая розовая пяточка вылезла наружу.

– … но это неправильно – отпустить человека с маленьким беспомощным ребенком ночью, так что если вы его покормите, я приготовлю ужин. – Она сделала несколько шагов, а затем остановилась. – Я собиралась уйти отсюда с первыми лучами солнца, так что мы сможем выехать вместе.

Рид посмотрел на нее с облегчением, и Кара была счастлива, что пригласила его. Девушка решила не думать о том, что они будут делать вместе весь вечер в ее крохотной хибаре.

– Сколько молока ему дать, как вы думаете?

Дейк Рид посмотрел на ее груди, словно прикидывая, сколько молока вмещает грудь женщины. Лицо Кары запылало; и она опустила глаза. Несмотря на ее худобу, грудь девушки была развитой и упругой.

Смущенная и даже довольная тем, что уже стемнело, Кара повернулась к Дейку и сказала:

– Кормите его до тех пор, пока он не будет сыт.

Девушка избегала смотреть Дейку в глаза. Она взглянула на сверток у его груди: ребенок казался игрушкой в загорелых руках Дейка.

– А вдруг вы случайно дадите ему больше, чем надо?

– Вот черт, не знаю даже!

Кара улыбнулась и деланно веселым голосом произнесла:

– Если бы не было так поздно, я бы могла взять вашего коня и съездить к Диксонам. Миссис Диксон наверняка одолжила бы мне бутылочку и соску. Но, думаю, уж лучше постараться хоть как-нибудь его накормить. Может, для начала попробуем давать ему совсем понемногу. Посмотрим, как ему понравится.

– А кто такие Диксоны?

Голос зазвучал с такой надеждой, что Кара поняла: зря она

сказала про своих соседей.

– Это семья, которая поселилась на северо-востоке отсюда. Но сейчас слишком поздно и темно, чтобы ехать туда с мальчиком, – сказала Кара. – Диксоны предложили купить мою землю, когда приехали помочь мне с Вилли, – добавила она.

– С вашим мужем?

Кара повернулась к Дейку. Ее разозлила жалость в его глазах. Выражение его лица разбередило рану. Она вновь ощутила щемящее чувство одиночества, с которым боролась последние недели. Девушка хотела заговорить, но почувствовала, что от волнения у нее перехватило горло, и ей пришлось прокашляться, прежде чем она смогла вымолвить:

– С моим братом. Он умер пару недель назад.

– Извините, – тихо сказал Дейк. Было похоже, что он действительно сочувствовал ей.

У нее снова защемило в груди от горя. Ничего не сказав, она прошла вперед. Рид вновь зажег все масляные лампы – роскошь, которую она никогда себе не позволяла, даже тогда, когда у нее было больше топлива. Но этот вечер был особенным – это ее последний день в хижине. К тому же Каре исполнилось двадцать. Девушка ничего не сказала и поставила ведро с молоком на стол. Она сгорала от любопытства, желая узнать о Риде как можно больше. Но ей пришлось оставить вопросы: все его мысли были заняты мальчиком. Чтобы разрядить обстановку, она спросила:

– А вы подумали о том, как его кормить?

– Может, попробуем покормить его с ложечки?

– Не думаю. Мальчик обязательно подавится, если станет глотать слишком быстро. Может, нам сделать ... – тут ее щеки опять запылали, и она опустила глаза. – ... Что-то вроде соски. У меня есть немного муслина.

Отодвинув стул, он пожал плечами, затем тихо сел, стараясь не разбудить малыша.

– Попробуйте. Эту штуку можно было бы опускать в молоко, а потом давать ребенку понемногу.

Кара подошла к сундучку, набитому одеждой, тряпками и нитками, из которых собиралась делать кукол, приехав в Калифорнию. Она нагнулась и принялась рыться в нем, при этом платье ее задралось, открыв ноги почти до колен. Рид пораженно смотрел на ее зад, на оголенные ноги. Он не представлял, что женщина может стоять в такой позе перед незнакомым мужчиной. Похоже, чувство приличия ей незнакомо.

Пока она рылась в поисках муслина, Дейк внимательно осмотрел комнату. Кара действительно собиралась уезжать. Все говорило об этом. Возле передней стены лежали запасы провизии в холщовых мешках. За ними стояли ведра и корзины, в которые была сложена кое-какая домашняя утварь, – несколько щербатых тарелок и чашек, ножи, закопченные котелки, веник, сделанный из веток. В Риверглене рабы и то жили побогаче.

Не похоже, что здесь жил кто-то еще. Рид подумал о том,

сколько же времени она провела одна. Нелегко ей было тут в одиночестве, если она дошла до того, что стала делать этих странных кукол, которые рядком лежали на полке.

Дейк чуть не подскочил, увидев множество этих нелепых созданий, которые смотрели на него бессмысленными глазами. Поначалу картина показалась ему мрачной, но потом, подойдя поближе и разглядев кукол, он не смог сдержать улыбку. Или Кара Джеймс не различала цветов, или она не находила ничего особенного, что лица у кукол были в цветочек, желтые, зеленые, сделанные из грецких орехов и из дерева. Выражения лиц у этих тряпичных кукол с глазами-пуговками были разные.

– Нашла, – произнесла Кара, помахав над головой кусочком муслина.

Девушка подбежала к небольшому ящичку и вытащила оттуда ножницы и нитки. Быстро разрезав ткань на квадратики, она сложила их кучкой, свернула в форме соски и перевязала ниткой.

– Кажется, это подойдет.

– Вроде, да, – сказал Дейк и снова вздохнул. Уже не в первый раз ему пришло в голову, что он дал обещание, которое, возможно, не сможет выполнить.

Он удивился тому, что девушка захотела взять ребенка, но с радостью дал малыша ей в руки.

– Не будьте таким хмурым, мистер Рид. Как говорила моя бабушка: «Мало удовольствия общаться с невеселым чело-

веком!» А теперь попробуем-ка дать этому мальчику немного молока.

Дейк встал, а Кара опустила тряпичную соску в козье молоко. Ткань набухла, и девушка втолкнула ее в ротик младенцу. Малыш вытолкнул соску языком, проглотил то, что попало в рот, облизал губы и забеспокоился. Кара сделала еще одну попытку. Мальчик ухватился за муслин и высосал все до капли до того, как Кара успела опустить соску в молоко еще раз.

Рид нагнулся над ее плечом и в изумлении наблюдал за кормлением.

– Ему нравится, – сказал он.

– Он ест, как маленький поросеночек, – произнесла девушка.

Держала она малыша с естественной грацией. Кара через плечо посмотрела на Дейка, и он был пленен очаровательной улыбкой, светившейся на ее перепачканном лице за светлыми кудрями, одновременно и невинной, и чувственной. Он мог бы дотянуться до ее губ и мысленно уже нежно их покусывал. От этого у него пересохло во рту.

Увидев ее в первый раз, молодой человек понял, что эта девушка была не просто хорошенькой. Стоит ей привести себя в порядок и одеться как следует, и она превратится в настоящую красавицу. Он почувствовал возбуждение, и это напомнило ему о том, как долго у него не было женщины. Дейк резко выпрямился и заставил себя отступить назад: он

не хотел пугать Кару, которая доверилась ему настолько, что убрала оружие.

– Я попробую покормить его, если вы приготовите ужин.

Подойдя к Каре, Дейк взял ребенка и уселся на стул. Ему не сразу это удалось, поэтому и подбородок, и шея младенца, да и его собственная рубашка оказались в молоке. Девушка ушла, но мальчик продолжал спокойно сосать.

Наконец ребенок наелся, был завернут в кусок ткани, которой девушка так дорожила, и уложен посередине набитого травой матраса. Тут Кара позвала Рида ужинать.

Ощутив запах цыпленка, он почувствовал зверский голод.

– Здесь немного еды, – извинил ась хозяйка, – лишь бульон из маленькой курицы и несколько черствых кукурузных лепешек. Но голод заглушить вы сможете. Есть у меня и кофе, правда, своеобразный. С тех пор как началась война, продуктов не хватало, вот и пришлось мне остатки кофе смешать с сушеной морковью – чтобы хватило подольше.

Она смущенно посмотрела на Дейка, который стоял, положив одну руку на спинку другого стула. С легким поклоном он отодвинул его от стола, приглашая ее присесть. Кара взглянула на стул, потом – на Дейка. Наконец она догадалась.

Девушка села. Дейк спрятал улыбку.

Не говоря ни слова, Кара подала курицу. Переваренное мясо плавало в бульоне, разлитом в тарелки. Дейк взял кусок лепешки. Одна сторона ее была черной, как котелок или сковородка. Дейк обмакнул лепешку в бульон и принялся за

еду. Хлеб подгорел, а бульон был слишком жирным. Похоже, кулинария не ее призвание. Но Рид был слишком голоден, чтобы думать об этом.

Они жевали молча, сосредоточившись на еде. У обоих был такой вид, будто последний раз они ели несколько дней назад. Держа недоеденный кусок в руке, с лоснящимися от жира губами и глазами, сверкавшими от любопытства, Кара спросила:

– А куда вы направлялись, мистер Рид, перед тем как нашли ребенка и его маму?

– В Алабаму.

Вертя в руках куриную ножку, он пытался представить себе, что его ждет, когда он, наконец, доберется до Декейтера.

– Вы говорили, что сражались на стороне северян?

Он кивнул.

Она положила ложку и облизала пальцы. Дейк не мог оторвать глаз от кончика ее влажного, розового язычка.

– У вас есть семья?

Глаза Рида потемнели. Он слегка нахмурился.

– Мама умерла от желтой лихорадки за несколько лет до войны. Недавно я узнал, что отца тоже не стало. Это случилось два года назад. Мой брат вернулся на нашу плантацию Риверглен.

– Ваша семья, должно быть, богата?

Она поглядела на него сквозь опущенные ресницы, уже жалея о том, что сказала это. Ее не касалось, сколько у него

было денег. Девушка представила себе, как ругала бы ее за плохие манеры мать.

Дейк пожал плечами.

– Можете считать, у нас были деньги-до войны. По крайней мере, мы жили не хуже других на Юге. Большая часть этих средств была вложена в невольников.

Перед словом «невольники» Дейк на секунду замолк, как бы не желая выговаривать его. Он глотнул кофе. Кара внимательно и незаметно наблюдала за ним. Даже если бы он не признался, она бы догадалась, что он – человек состоятельный. Его одежда была чистой, насколько позволяло путешествие. Волосы и ногти аккуратно подстрижены. Дейк Рид держался с достоинством, в нем чувствовалась врожденная уверенность – этого нельзя было не заметить. Она думала о том, как он выглядел до войны, которая заставила его глаза помрачнеть и добавила морщинок вокруг них. Улыбался ли он чаще в те годы?

Потянувшись за другой лепешкой, Кара обратила внимание на свои обгрызенные ногти и смутилась.

– А ваша семья не потеряла дом во время войны?

Он покачал головой.

– Нет. Но я думаю, у нас осталось не так уж много. Во всяком случае, так мне сказал близкий друг нашей семьи. Каждый взрослый невольник, который мог работать в поле, стоил тысячу долларов. Умножьте эту цифру на число рабов, и вы узнаете, куда владелец плантации вложил большую часть

денег. Когда невольников освободили, хозяевам оставалось только смотреть, как их капитал просто уходит.

– Но если вы сражались на стороне тех, кто отобрал все у вашей семьи, как ваши близкие отнесутся к вашему возвращению?

Взяв чашку, он отпил глоток кофе, а затем поставил ее на место так осторожно, словно она была сделана из тончайшего фарфора.

– Мой брат не знает о моем возвращении, – сказал Дейк. – Одна соседка послала за мной. Она написала мне, что Берк того и гляди потеряет Риверглен за неуплату налогов. Я еду, чтобы помочь.

– Кстати, о соседях, – вспомнила Кара. – Первое, что я должна сделать утром, – это отправиться к ним и узнать, отдадут ли они мне деньги за мою усадьбу, как обещали. Возможно, если вы хотите выехать рано утром, то ...

Он внимательно наблюдал за ней, нахмурив брови.

– А что вы намереваетесь делать, продав усадьбу?

Чувствуя себя неловко под его задумчивым взглядом, Кара поежилась.

– у меня свои планы, мистер Рид. Планы, которые я вынашивала долгое-долгое время.

– А какие?

– Большие. До сих пор жизнь кидала моей семье лишь кости – такие же гладкие, как на вашей тарелке. Сейчас я одна, сегодня – мой двадцатый день рождения. Не вижу причин не

сделать того, что я хочу. – Кара скрестила руки и откинулась на стуле.

Молодой человек удивился, узнав, сколько ей лет. В слишком большом платье, со спутанными кудрями, она выглядела не старше семнадцати. Дейк взял куриную ножку и обгрыз мясо, потом переломил косточку и высосал изнутри костный мозг, а уж затем бросил обломки в тарелку.

– Я поеду в Калифорнию, как только продам свою усадьбу, – объяснила Кара.

Забыв о еде, Дейк уставился на нее.

– А почему в Калифорнию?

Ее глаза заблестели.

– Во-первых, там тепло ... И солнечно. И песчаные пляжи миля за милей тянутся вдоль океана ... Я никогда не видела океана, а вы?

Он покачал головой.

– Я хочу открыть там собственный магазин, – гордо сказала девушка.

– Какой магазин?

Хотел бы он знать, что, черт побери, она имела в виду!

– Я делаю кукол.

– А-а ... И вы думаете, они там нужны?

– Надеюсь. Я думаю, в таком городе, как Сан-Франциско, людям некогда делать собственных кукол, и они станут покупать готовые для своих детей. Да у меня уже есть несколько кукол на продажу!

Дейк оглядел голые стены и земляной пол в крохотной хибарке. Теперь или никогда.

– А вы не сочтете возможным отложить ваш отъезд? Я бы хорошо заплатил вам, если бы вы согласились сопровождать меня в Гадсден и заботиться в пути о малыше, мисс Джеймс.

Кара онемела и изумленно заморгала. Когда шок прошел, она сказала Дейку уверенно:

– Даже за все деньги мира, мистер Рид! Как я могу начать новую жизнь в Калифорнии, если сначала мне придется заботиться о чьем-то ребенке?

Пока она говорила это, он обгрызал мясо с последней косточки. Потом указал на остатки ее ужина.

– Вы будете это есть?

Кара покачала головой. Он отодвинул свою тарелку в сторону и придвинул к себе тарелку Кары.

– Если вы поедете со мной, вы только выиграете от этого. Да и путь в Алабаму не займет у нас много времени.

– Что значит «у нас»?

Сны никогда не сбудутся, если спать слишком много.

Ненни Джеймс

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Мисс Джеймс, говорите тише. Вы разбудите ребенка.

– Извините. – Кара глубоко вздохнула. – Но, по-моему, в моем положении естественно слегка разволноваться. Я жила здесь, занималась своими делами. Вдруг, нежданно-негаданно, откуда-то появляется человек с младенцем и просит меня поехать с ним в Алабаму! Как раз в противоположную сторону от того места, куда я собиралась! – Взволнованная этими словами, девушка прижала руку ко лбу.

Дейк признался:

– Я просто не знаю, что мне делать, мисс Джеймс.

– Вы можете поехать в Алабаму без меня, мистер Рид! Никогда не знаешь, на что способен, пока не попробуешь! Я одно знаю точно, – сказала девушка. – Сейчас нечего делать на Юге. И не только из-за войны. От соседей я слыхала, что там разруха, да и на дорогах небезопасно. И войска еще не ушли.

Рид удивился: Кара, находясь, по сути, в полной изоляции, имела точное представление о том, что происходило на Юге. Он слышал то же самое.

Съев вторую тарелку супа, он встал и подошел к кровати, куда она бросила полотенце для посуды. Обтерев лицо и руки, он аккуратно сложил его.

– У вас еще есть кофе? – спросил молодой человек.

Пока Кара возилась с кофейником, он еще раз оглядел странных кукол, собранных в комнате. Рид думал, есть ли такие горожане, которые могли бы заинтересоваться подобными игрушками.

– А как вы начали делать кукол?-·спросил он, снова усевшись за стол.

– Здесь мне не с кем было играть, кроме Вилли. Поэтому Ненни Джеймс сделала мне много кукол. А когда я подросла, она научила меня мастерить их. С тех пор это – мое любимое занятие.

Подойдя к Дейку, девушка налила ему кофе. Потом поставила кофейник и, не говоря ни слова, ушла в темноту. Ему очень хотелось остановить ее, но Рид понимал, что ей надо побыть одной. Дейк осознавал, что его затея провалится, если он будет настаивать. Конечно, с ребенком и нянькой он будет продвигаться вперед медленнее. Но куда хуже будет, если ему самому придется ухаживать за мальчиком и делать бесконечные остановки. Главное – не торопить Кару. Разглядывая жалкий отвар из кофе с морковкой, он вспоминал безнадежный тон письма, присланного ему Вильгельминой Блекли. Послание догнало его спустя месяц в форте Додж.

Еще не вскрыв конверт, он догадался, что письмо содержит плохие новости. С грубоватой прямотой Минна уговаривала его вернуться на плантацию. Короткие, но четкие фразы из письма не выходили у него из головы:

«Возвращайся, Дейк! Возвращайся домой! Если ты до сих пор любишь своего брата, если тебя еще заботит Риверглен, то ты приедешь, как только сможешь. Мне очень жаль, но твой отец умер два года назад. С домом все в порядке, янки пока не заняли Риверглен. Но все остальное Берк потерял, и ему нечем уплатить налоги. Он слишком упрям, чтобы просить о помощи. Он так изменился после войны.

Пожалуйста, Дейк! Приезжай домой!»

Рид так и представлял себе ее тягучий южный акцент. Он знал, чего ей стоило обратиться к нему. Молодой человек навсегда запомнил ее такой, какой видел в последний раз: она стояла на веранде в Риверглене, похожая на дорогую фарфоровую куклу с аккуратными каштановыми кудряшками, в синем шелковом платье и комнатных туфлях, которые подарила ей мать Дейка. Сдерживая слезы, она улыбалась ему на прощанье. Минна была частью его жизни с самого детства. И если бы не ее любовь к его старшему брату, она сейчас принадлежала бы ему.

Его мать обожала Минну. Девушка была единственной дочерью книготорговца, который был счастлив, что Теодора Рид покровительствовала ей. С тех пор как стало ясно, что Минна и Берк полюбили друг друга, мать Дейка стала относиться к девушке как к будущей хозяйке Риверглена.

Рид провел бессонную неделю, раздумывая, возвращаться ли ему назад. Он не задумывался над тем, любит ли он своего брата, так же как не задумывался, на чьей стороне сра-

жаться. Тогда, как и сейчас, он был уверен, что страна должна остаться единой, и при этом искренне верил, что рабство должно быть отменено.

И теперь Рид раздумывал, хватит ли у него смелости вернуться назад и увидеть свой любимый край в руинах. Как мог он приехать победителем и встретить лицом к лицу своего старшего брата, которого всегда любил, если Берк, без сомнения, его ненавидит?

Да и есть ли у него еще время спасти Риверглен? Минна не назвала крайнего срока уплаты налогов, но, судя по тону письма, ему надо было спешить. А если он останется один с ребенком, придется делать частые остановки, пока он не найдет человека, готового заботиться в дороге о маленьком Клейтоне. К тому же, если уж Кара Джеймс знала, что ситуация на Юге не из лучших, то это же наверняка знали все остальные.

Молодой человек встал, потянулся и, посмотрев на младенца, который спокойно спал на кровати, вышел на холодный ночной воздух.

Мисс Люси подошла к нему и ткнулась ему в ноги. Он не обратил на козу внимания, и та направилась к Каре, которая сидела на скамейке напротив своей хижины и размышляла о чем-то, глядя на звезды. Если она откажется ехать с ним, он может попросить ее продать козу. В конце концов, не понадобится же ей коза в Калифорнии! Но в этом случае ему придется заботиться о ребенке и о козе. Об этом даже думать

не хотелось.

Рид подошел к скамейке и сел на некотором расстоянии от Кары, скрестил ноги и вытянулся, упершись спиной в неровную стену хижины и засунув руки в карманы. Рид посмотрел на Кару, которая сидела, держась руками за край скамьи.

– Я подумала ... – начала девушка.

Он боялся вымолвить слово.

Кара медленно обвела взглядом двор. «Мне кажется, я всегда смогу найти более подходящий случай, чтобы открыть магазин игрушек», – подумала она.

Кара искоса посмотрела на Дейка.

– У вас есть деньги? – спросила девушка.

Рид не удивился ее вопросу.

– Я сберег большую часть того, что заработал за семь лет. Конечно, я заплачу вам, если это вас беспокоит.

– Если я это сделаю, то не только ради денег. Я поеду, потому что хочу помочь бедному мальчику. Но – я не знаю ...

– Вы будете полностью вознаграждены. Уж если вы действительно такая деловая женщина, какой себя воображаете, то вы примете мое предложение.

– Мне надо это обдумать.

Дейк почти видел, как шевелятся ее мозговые извилины. «Прекрасно», – подумал он, решив, что вопрос исчерпан.

– Когда мы отправимся? – спросила Кара в темноту.

Ему захотелось схватить ее в объятия и сплясать с ней джигу, но он пока боялся показать, какое облегчение испы-

тал.

– Как только вы приготовитесь. Что вам еще надо сделать?

– Мне надо повидать Диксонов. Если я пойду пешком, это займет все утро...

– Вы можете взять моего коня.

– ... и это зависит от того, готовы ли они заплатить деньги за мою усадьбу.

– Что еще?

– Мне еще надо упаковать кукол. У меня нет ящиков.

– Я бы мог смастерить большой ящик, пока вы ездите к соседям.

Кара повернулась к нему.

– Вы правда сможете?

Рид кивнул.

Они оба вскочили, когда малыш заплакал. Дейк посмотрел на Кару. Кара смотрела на дверь.

– Думаете, он снова голоден?

Проведя рукой по волосам, Дейк признался:

– Черт, даже не представляю!

Он напомнил себе, что должен теперь следить за своей речью, что было совершенно излишне среди солдатни.

С усталой покорностью, делавшей ее голос обворожительным, Кара сказала:

– Думаю, мы все выясним, когда посмотрим. Дейк пошел за девушкой, пряча улыбку.

Сидя на деревянном полу в изножье кровати, Дейк провел рукой по жесткой щетине, покрывавшей его лицо. Утомленный сверх меры, он облокотился спиной о земляную стену и наблюдал за Карой из-под полуопущенных век.

Девушка лежала поперек кровати, свесив вниз ноги. Потом она положила их на кровать, обнажив стройные икры, и прикрыла рукой лицо, загораживаясь от света.

Не проспали они и часа, как были разбужены настойчивыми воплями, исходящими из крохотного свертка.

Когда они уже отчаялись успокоить капризного малыша, Дейк пригрозил выставить маленького Клейтона на съедение серым волкам. Кара отняла ребенка у Рида и вновь покормила его. Перепеленав мальчика, который все еще продолжал плакать, девушка прижала его к груди и стала пританцовывать с ним по комнате, напевая нежные мелодии.

Через пару часов, когда Кара исчерпала весь свой репертуар сентиментальных напевов – «Грустя и плача в одиночестве», «Все спокойно на Потомаке», а также особенно ненавидимый Дейком «Свободный стул», – она вполне согласилась с идеей Рида отдать ребенка на съедение волкам. Молодой человек взял малыша, походил с ним еще некоторое время, правда, без песен, после чего маленький Клейтон наконец успокоился и заснул.

Пока было еще светло, Дейк намеревался расстелить свою постель у костра во дворе. Однако к ночи ему что-то расхотелось спать на открытом воздухе. К тому же сон овладевал

им с такой силой, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, И, наплевав на приличия, продолжал дремать, прислонившись к стене.

Дейк Рид закрыл глаза и пребывал в состоянии полусна, вспоминая дом, Декейтер и последнюю встречу со своим братом Берком.

Шесть долгих, военных лет ...

– Тогда убирайся и забудь про нас! – крикнул ему Берк.

Дейк долго смотрел на своего старшего брата, копией которого он был. Этот человек учил его плавать, охотиться и лазать по деревьям. Он был тем, кто всегда помогал Дейку подняться, когда тот падал. Берк был сильнее и энергичнее, он всегда защищал своего младшего брата и гордился им. Но в тот день, в апреле 1861-го, когда Дейк объявил о своем намерении присоединиться к юнионистам, связь между ними оборвалась внезапно и навсегда.

А началось с того, как Берк увидел брата, собиравшего свои вещи. Дейк направлялся в Кентукки, чтобы записаться в армию юнионистов.

Миновав коридор, Берк подошел к комнате брата и, лениво облокотясь о дверной косяк и, сложив руки на груди, наблюдал, как Дейк упаковывает свои вещи. Слуга Дейка, его «Чего изволите?» по имени Элайджа, помогал хозяину. Он был внимательным и молчаливым.

– Ты можешь идти, Элайджа. Я уже почти закончил, – ска-

зал Дейк.

Парень встал, торжественно выпрямился и пожелал своему хозяину счастливого пути.

– Берегите себя, мистер Дейк! – сказал он. – Храни вас Бог!

– Спасибо, Элайджа, – ответил Дейк Рид.

Дейк не обращал внимания на Берка, который чуть отступил, пропуская Элайджу. Он аккуратно уложил запасную рубашку, бритву, ремень для правки бритвы и кружку на дно сумки. Затем подошел к низкому кленовому туалетному столику, чтобы взять деньги. Он всегда хранил их за стопкой рубашек, которые теперь отдал Элайдже.

– Ты действительно собираешься уехать из-за того пустяка, о котором мы вчера спорили за обедом? – медленно начал Берк. Он еще сильнее, чем обычно, растягивал слова, когда речь заходила о политике. А спорили они в тот раз об отделении Алабамы. – Ты действительно уматываешь, маленький братишка?

– Нет, я борюсь. И ради этого я направляюсь на Север, – прямо сказал Дейк.

Если бы он выстрелил Берку в грудь, тот не был бы столь потрясен.

– Уверен, ты говоришь несерьезно.

Дейк рассовал деньги по карманам, а потом взял часы, которые раньше принадлежали его прадеду по материнской линии. Теодора, мать Дейка, умирая, отдала их ему. Дейк бе-

режно положил часы в карман жилета и укрепил, как полагается, цепочку. Покачав головой, он посмотрел брату в глаза.

– Я не валяю дурака. Я еще в жизни не был так серьезен. Знаю, что это означает для отца, для тебя ... Знаю, как это может повлиять на мою дальнейшую жизнь. – Молодой человек быстро застегнул свой ранец.

Негритенок лет двенадцати остановился в коридоре, держа в руках кувшин с водой. Подумав, он не решился войти. Когда Дейк подошел к нему, мальчик спросил:

– Вам нужна вода, мистер Дейк?

– Нет, спасибо, Джеб.

Мальчик продолжил свой путь по коридору, аккуратно держа в руках тяжелый кувшин. Разносить воду было его обязанностью.

Сжав руки в кулаки с таким видом, как будто он сейчас набросится на Дейка, брат вошел в комнату. Братья были очень похожи. Они стояли друг против друга – одинакового сложения и роста, оба темноволосые и зеленоглазые. Судьба распорядилась так, что Берк был старшим: – наследником Риверглена, привилегией которого было следить за поместьем. Оба брата выучились работать на плантации, умели управляться с финансами, знали, как обрабатывать плодородную землю в пойме реки Теннесси. Они знали цену рабочей силе, которой владели, хлопкоочистительным машинам, мельнице у реки, знали, какие поля обрабатывать, а какие – оставить под паром.

Но пока Берк занимался исключительно Ривергленом, который, по сути, был для него целым миром, их отец приохотил Дейка к политике. Получив образование в Монтгомери, он бессчетное число раз сопровождал отца, Холлиса Рида, на собрания законодательных органов Алабамы.

– Ты когда-нибудь станешь сенатором, сын, – пророчил Холлис Рид своему сыну Дейку с тех пор, как тот выучился ходить. – Мы еще будем тобой гордиться!

Дейк хотел выйти из комнаты. Уныние в глазах Берка заставило его на секунду остановиться.

– Дейк, подумай. Не уезжай сгоряча отсюда, не соверши ошибки, о которой всю жизнь будешь сожалеть!

– Я все обдумал, Берк. Лучше, чем тебе кажется. И, как ни крути, я не могу сделать ничего иного.

Дейк запомнил черты лица брата, его глаза, волосы, подбородок. Они могли бы быть близнецами – так были похожи.

– Это убьет отца, – предупреждал Берк, загораживая брату путь.

– Я сомневаюсь. Думаю, нужно гораздо больше, чтобы его убить. – Мысль об отце расстраивала его. Ведь могло получиться так, что, сражаясь на стороне северян, он никогда больше его не увидит. Дейк покачал головой в надежде, что дело не дойдет до рукопашной.

– Ты все еще думаешь, что мы проиграем войну этим чертовым янки? – вскричал Берк.

Бессмысленно было даже и пытаться уговорить Берка. Но

Дейк понимал: это был его последний шанс объяснить что-то брату.

– Юг может проиграть не только войну. Отделившись, мы можем потерять все!

– Почему, черт побери, ты так в этом уверен?

– Если это продолжится, Юг будет обескровлен. Вся наша промышленность – на Севере. Если дело дойдет до противостояния, они возьмут нас измором. Ты должен был еще раньше послушать меня, ведь я предупреждал. Черт возьми, Алабама бы не отделилась, если бы голоса избирателей в Монтгомери не были в руках плантаторов. Большинство штатов против отделения!

Берк, наконец, вскричал со злостью:

– Я устал от твоих высокопарных предательских разговоров! От твоих намерений освободить наших невольников! Куда, по-твоему, они пойдут? А если все-таки уйдут, заплатят ли нам компенсацию за наши потери?! Черт побери, конечно, нет!

Тихим, спокойным голосом Дейк сделал еще одну попытку уговорить брата. Но он говорил, зная, что попусту тратит слова:

– Все наше состояние – в этих невольниках. Так же как и у любого плантатора на Юге. Когда янки победят, а в этом нет никакого сомнения, они освободят всех рабов, и у тебя останется только гора бесполезных бумаг. Вот если бы вы с отцом, как я предлагал, продали невольников, а некоторых

стариков – даже освободили, начали бы нанимать работников, а капитал вложили куда-нибудь, – вот тогда вы бы стали вполне платежеспособными к концу войны.

Берк не отступал:

– Ты думаешь, я буду сидеть и ждать, пока янки заберут моих рабов и землю? Ты думаешь, кто-нибудь из наших соседей обрадуется такому обороту дела? Если так, подумай-ка еще раз, братец!

Все дело заключалось в том, что уже давно, едва научившись понимать, что к чему, Дейк возненавидел рабство. Теперь война давала ему шанс сделать что-то, чтобы покончить с этой системой. Сделать нечто большее, чем проповедовать то, что его семья считала чуть ли не богохульством. Его выбор, как смерть, мог разлучить Дейка с родными.

– Поздно говорить еще о чем-то, Берк. Попрощайся за меня с отцом.

Дейк подошел к двери и попытался пройти, стараясь не задеть брата. Боль была слишком сильна.

Берк протянул руку, схватил Дейка и остановил его:

– А что, если мы встретимся на поле боя?

Их взгляды пересеклись. Они смотрели друг на друга в упор.

– Ты сделаешь то, что должен сделать. Так, как ты всегда поступал, – сказал Дейк. – Так же поведу себя и я.

Дейк вышел из комнаты.

Одна из служанок вдруг принялась слишком тщательно

оттирать несуществующее пятно на полированном столе в прихожей. Ее огромные черные глаза вспыхнули, когда Дейк проходил мимо. Молодой человек вспомнил, что эту девушку звали Фрэнси: она была одной из многих невольниц, которые родились в Риверглене. Фрэнси была частью молчаливой, вышколенной армии домашней прислуги – вроде Элайджи, – которую его мать лично отбирала для работы в доме. Вышколенные слуги всегда были под рукой. Они все видели, не будучи видимыми, говорили только тогда, когда к ним обращались.

Дейк часто задумывался: что они думают, эти люди, которые составляли неотъемлемую часть их жизни, которые жили вместе с ними, но, тем не менее, были отделены от хозяев невидимой гранью – такой, как граница между Севером и Югом.

Дейк услыхал, как брат бежит, торопясь догнать его, по лестнице.

– Похоже, ты просто боишься дождаться отца и сказать ему, что собираешься встать на сторону янки! – закричал Берк. – Он вернется домой через несколько дней.

Через несколько дней будет слишком поздно. Его отец, как обычно, был в Монтгомери, и Дейк не собирался дожидаться его возвращения. Не потому что он знал, что Холлис Рид приложит все усилия, чтобы уговорить сына изменить свои намерения. Нет. Просто он не хотел ставить отца в такое положение, когда тому придется запереть его на замок,

чтобы оставить дома.

– Думай что хочешь, – бросил Дейк через плечо, подойдя к передней двери.

Прощальные слова его брата эхом разнеслись по дому. Это эхо снова и снова болью отзывалось в сердце Дейка:

– Если так, то убирайся и не возвращайся никогда!..

– Вставайте!

Кара стояла над Дейком и подталкивала его ногой.

Она видела, как его взгляд скользнул вверх по ее юбке. Потом их глаза встретились.

– Пора вставать, мистер Рид. Уже утро.

– Вы всегда такая веселая по утрам?

– Да кто угодно, выспавшись так же, как и я, будет раздраженным!

Девушка не шевельнулась до тех пор, пока он не оторвался от холодной земляной стены и не встал. Дейк пригладил взъерошенные волосы и огляделся.

– Где моя шляпа?

Она показала на колышек, вбитый в стену у окна.

– Там, где вы ее оставили. Пойдете куда-нибудь?

– Я бы умылся. У меня во рту будто стадо мулов протопало.

Несмотря на то, что у нее болели все кости, и что она не выспалась, Кара улыбнулась: ей понравилось такое необычное сравнение. Девушка отвернулась к миске, в которой она

готовила маисовую кашу, и предупредила:

– Постарайтесь не задерживаться. Мне еще нужно съездить к соседям.

– А где ручей? – тихо спросил он.

Кара обернулась и увидела, что Дейк смотрит на ее губы. Она нервно сжала руками деревянную ложку, которую только что вытащила из большого горшка с отбитыми краями.

– За домом, всего в нескольких ярдах.

Когда Дейк вышел, Кара немного успокоилась. Она была благодарна ему за то, что он не торопил ее с решением. Как резко изменилась ее жизнь! Еще вчера она чувствовала себя нестерпимо одинокой. А сейчас она готовила завтрак для незнакомого мужчины, вместе с которым провела ночь. И ей казалось, что это в порядке вещей.

Уже скоро ей придется дать Дейку ответ: готова ли она сопровождать его, чтобы в дороге заботиться о ребенке. Как они проведут вместе эти дни, а может, недели? Нельзя отрицать, что он очень привлекателен. И было бы смешно убеждать себя в том, что он ее не интересует.

Помешивая кашу, Кара убеждала себя быть очень осторожной. Интересно, а ее отец таким же образом завладел сердцем ее матери? Эверет Джеймс был красивым мечтателем, когда встретил мать Кары. Но ведь не только за это она полюбила его. Кара видела, как зачахла ее мать после смерти отца. Поэтому дала себе обещание никогда не пускать мужчину в свое сердце.

Кара взяла тяжелый котелок и повесила его над очагом во дворе. Несколько угольков все еще тлели. Девушка помешала угли, добавила щепок. Когда они разгорелись, она положила в огонь несколько поленьев.

Вернувшись в хижину, Кара поставила на стол миски. Вдруг она заметила конверт, выглядывающий из кармана кожаной куртки Дейка, которую он накануне повесил на спинку стула.

Девушка взглянула на младенца, тихо спящего на кровати, потом посмотрела на одеяло, висевшее в дверном проеме.

– Любопытство до добра не доводит, – тихонько прошептала она, вспомнив слова Ненни Джеймс.

Скрестив руки, она задумалась. Нельзя читать чужие письма.

Кара еще раз помешала маисовую кашу и огляделась. Малыш спокойно спал. Письмо по-прежнему выглядывало из кармана.

В одно мгновение она схватила конверт. Быстро вытащила письмо. Почерк замечательный: каждая буква была аккуратной, закругленной, с завитушками. Кара взглянула на подпись в конце письма:

Минна.

Девушка пробежала глазами страницу: Приезжай. Твой отец умер. Нечем платить налоги. Берк. Он так изменился после войны ...

Руки ее держали письмо, а сердце рвалось к Дейку. Ведь он ей сказал: «Я еду домой, чтобы выяснить, могу ли я чем-то помочь». Если бы только он описал ей ситуацию, если бы передал хоть десятую часть того отчаяния, которое содержало письмо. Едва ли Кара решилась бы отказать ему.

Девушка посмотрела на дверь. Короткое, но грустное послание заставило ее еще больше устыдиться того, что она сделала. Но благодаря этому письму она приняла окончательное решение. Ведь Дейк отправился домой, услышав крик о помощи. К тому же он обещал умирающей женщине доставить ее младенца родным. Дейк заслуживал ее помощи.

Кара сунула письмо назад в конверт, аккуратно положила его в карман куртки и занялась своими делами, с нетерпением ожидая возвращения Рида. Чем скорее они выедут, тем скорее Дейк окажется дома, а она наконец-то сможет отправиться в Калифорнию.

Кара еще не была готова, когда он вернулся. Щетина по-прежнему темнела на его лице, но взгляд стал живее после умывания. Кудрявые темные волосы на его груди так и манили ее.

– Где здесь можно высушить рубашку? – раздался голос Дейка.

Кара с трудом снова переключилась на приготовление каши.

– Повесьте ее перед домом. Только повыше, чтобы Люси

не съела вашу рубашку на завтрак.

Когда Дейк вышел, Кара посмотрела ему вслед. Его торс был хорошо развит, на нем не было ни капли жира. На спине и плечах перекатывались великолепные мускулы.

Он обернулся и заметил, что девушка, стоя в дверях, наблюдала за ним. Кара быстро отвернулась, но он все же успел заметить яркий румянец на ее щеках.

Дейк Рид, не говоря ни слова, подошел к ней. Она чувствовала, что он стоит рядом, наблюдая, как она готовит. Девушка съежилась под его испытующим взглядом, и уже собралась было послать его приглядеть за ребенком, как вдруг Дейк сказал:

– Я вспомнил, что у меня в седельной сумке есть немного настоящего кофе.

Не ожидая ее ответа, молодой человек вышел. Он двигался легко и уверенно. Письмо помогло Каре понять, почему он так редко улыбается.

Дейк быстро вернулся и дал девушке пакет с драгоценными кофейными зернами, а затем подошел к кровати и наклонился, чтобы посмотреть на младенца, которого не было видно из-за кучи белья. Сильными длинными пальцами Дейк погладил рыжеватые кудряшки младенца.

У Кары потеплело в груди, когда она увидела эту картину.

Дейк заметил ее взгляд и шепотом сказал:

– Трудно поверить, что из-за такого крохотного существа может подняться так много шума.

И прежде чем подозрительно нежное чувство у нее в груди растаяло, Кара пробормотала:

– Да, действительно. – А потом, глубоко вздохнув, она добавила: – Мистер Рид, я решила. Я принимаю ваше предложение и помогу вам доставить маленького Клейтона домой.

Слепой бы увидел, какое огромное облегчение осветило лицо Дейка.

– Вы не пожалеете об этом, Кара.

Он снова внимательно взглянул на нее. Слишком внимательно. И повторил:

– Вы не пожалеете о своем решении.

Тут Клейтон принялся душераздирающе кричать, плакать и мяукать так же, как и накануне вечером. И как бы в подтверждение своего решения, Кара подошла к кровати и нежно взяла малыша на руки.

– Каша готова, и есть еще кое-какая еда. Вам хватит, пока я вернусь от Диксонов. Думаете, с вами все будет в порядке без меня?

– Думаю, да.

– Я постараюсь сделать все поскорее, но иногда дела делаются не так быстро, как бы того хотелось. Насколько я знаю старого мистера Диксона, ему потребуется некоторое время, чтобы вспомнить, где он закопал деньги, которые предлагал мне за мое поместье. Когда я была девочкой, все его дети то и дело говорили, как много банок с деньгами он закопал вокруг дома. Мы с Вилли все время собирались отправиться

на поиски сокровищ.

– Не хочется вас перебивать, но не стоит ли вам поторопиться?

– Конечно. Мне действительно пора идти. – Кара оглядела комнату. – Думаю, здесь вы найдете все, чтобы сделать ящик для кукол.

Кара снова посмотрела на Дейка и нахмурилась. Непонятно, почему он улыбался.

– Над чем вы смеетесь?

– Над вами, Кара.

– Почему?

– По-моему, я не встречал еще никого, похожего на вас, – сказал Рид, качая головой.

Раздумывая, следует ли ей считать это комплиментом, Кара пожала плечами и отбросила с лица волосы.

Она надеялась, что ей удалось скрыть румянец, который опять выступил на ее щеках, когда она передавала младенца Дейку. Кара почувствовала тепло его кожи, когда их руки соприкоснулись.

– Я постараюсь вернуться побыстрее. – Девушка подошла к двери, и Дейк вышел вместе с ней. – Есть ли какая-нибудь особенность у вашей лошади, которую мне следует знать?

– Это конь. Его зовут Генерал Шерман, и он себе на уме.

Четырьмя часами позже Дейк стоял посреди двора и раздумывал, куда же она, черт побери, могла запропаститься!

Кара оставила ему гору разорванных тряпок для подгузников, котелок кофе, немного козьего молока и кусок копченого бекона. Он видел, как она мелькнула верхом на лошади, босая, в потрепанном желтом платье, открывавшем ее стройные ноги больше, чем, по мнению Дейка, было допустимо, и исчезла в направлении жилища Диксонов.

Он в сотый раз прошелся по двору, спотыкаясь о сломанный стул, разбитое колесо, всякие обломки, пустые жестянки. Дейк поддерживал огонь в очаге, подогревая кофе; и боролся с непреодолимым желанием привести двор в порядок.

Где же она?

Он опять посмотрел на горизонт. Солнце садилось, и он в который раз выругал себя за то, что отпустил ее одну. Гряды облаков плыли по голубому небу, этот теплый, тихий октябрьский вечер слишком напоминал ему вчерашний день, когда он наткнулся на Анну Клейтон у ее разбитой повозки. Солнце слепило, поэтому он прикрыл глаза. Воображение рисовало ему картину, как Кара Джеймс со своими растрепанными светлыми волосами лежит, согнувшись, на сухой траве в луже собственной крови. Она умирает. Дейк приказал себе не думать об этом.

Он огляделся вокруг. Ящик был готов. Он получился гораздо прочнее всех ее коробок и бочек, сложенных рядком у двери, несмотря на то, что Дейк сколотил его из деревянных обломков. Он уже собрался было упаковать одну из кукол, но потом решил, что Кара сделает это лучше. Вместо этого

Дейк отнес маленького Клейтона к ручью, вымыл его там, завернул в чистые пеленки и постирал грязные.

Грязных и мятых вещей Дейк Рид не выносил. Солдаты не раз получали от него нагоняй за неряшливый вид. Одной из причин его любви к армейской жизни были как раз ее порядок, четкость, организованность. Он сразу привык к этим требованиям, и поэтому быстро пошел в гору, заслужив чин капитана еще в начале войны. Дейк посмотрел на свою измятую рубашку и подумал, что надо бы порыться в вещах Кары в поисках утюга. Ребенок к этому времени спокойно уснул, и Рид отправился к ящикам и бочонкам Кары.

В одном были обрывки тканей, из которых она делала кукол, часть из них она уже использовала на пеленки. Сверху во втором ящике лежали два свернутых платья. Оп вытащил одно из них – ситцевое, штопаное-перештопанное, бледно-голубого цвета, с ободранными кружевами на присборенных рукавах до локтя. Другое, из шерсти персикового цвета, было в таком же состоянии, что и первое.

В Риверглене прислуга была одета лучше. За этим следила хозяйка плантации. Мать Дейка часами возилась с разнообразными выкройками и тканями. Она наблюдала за швеями, а порой и сама принимала участие в шитье многочисленных платьев, штанов, рубах, необходимых для того, чтобы одеть двадцать невольников, которые у них жили. Впрочем, она занималась не только одеждой, но и обувью, и продовольствием. Когда мать умерла, все эти заботы взяла на

себя управляющая имением. Но однажды Дейк услышал ее слова, что она не представляет себе, как его мать справлялась со всеми делами.

Молодой человек посмотрел на изношенные платья без каких-либо украшений, которые он держал в руках, потом – на муслиновое белье, разбросанное перед ним. Вдруг ему пришло в голову, что в этом созерцании ее жалких вещей было что-то чересчур интимное. Перед его глазами мелькнули ее буйные, светлые кудри и загорелые щеки. Дейк почувствовал, как кровь закипает в нем, и, тряхнув головой, попробовал отбросить наваждение. Он не ожидал от себя ничего подобного.

В Каре Джеймс не было ничего, что обычно привлекало его в женщинах. Ему нравились миниатюрные брюнетки, и он никогда не волочился за женщинами ради удовлетворения своих естественных потребностей. Рид был очень разборчив в выборе женщин – так же, как в выборе одежды, еды, окружения. Он ценил порядок, а не хаос. Поэтому он, кстати, и присоединился к Союзу. Война разбивала жизни, и, понимая, что ее исход предрешен, Дейк Рид стремился сделать все, чтобы приблизить ее окончание.

Молодой человек знал, что война его изменила. Это было неизбежно. Теперь уже не важна была принципиальная позиция в отношении Юга. Дейк не собирался возвращаться героем-завоевателем. На военную службу он пошел добровольно. Армейская жизнь была организованной и упорядо-

ченной. Он чувствовал себя в армии как рыба в воде и быстро продвинулся по службе.

Что касается Кары Кальвинии Джеймс, то ни при каких условиях она не могла стать организованной или пунктуальной.

К тому же сейчас вообще не время для нежных чувств. Единственное, что связывало с этой худенькой девушкой, было ее обещание заботиться об осиротевшем мальчике и кормить его.

Услышав стук копыт и шум подъезжавшей повозки, Дейк встревожился. Он сунул одежду назад в ящик, захлопнул крышку и бросился к двери, забыв застегнуть рубашку. Зрелище, которое предстало перед его глазами, было незабываемым.

Кара Кальвиния Джеймс восседала на высоком сиденье повозки, которая была похожа на ящик на колесах с передними и задними сиденьями, между которыми было совсем немного места. Генерал Шерман был запряжен в длинные оглобли. От злости конь мотал головой и скакал, то и дело взбрыкивая, а Кара подхлестывала его.

– Я купила повозку! – закричала она, когда ящик на колесах с грохотом влетел во двор.

Сначала Дейк подумал, что лошадь понесла и надо помочь девушке остановить мчавшуюся повозку. Но Кара поднялась на ноги, откинулась назад, и изо всех сил потянула поводья, прекратив выходки Генерала Шермана.

Перебежав через двор, Рид остановился у повозки и подождал, пока Кара привяжет поводья. Те немногие усилия, которые она приложила, чтобы привести свои волосы в порядок, были напрасны: ветер тут же снова растрепал ее кудри. Дейк с восхищением подумал, что природную грацию и прелесть Кары Джеймс не может скрыть ни заношенная одежда, ни слишком сильный загар. Под порывами ветра платье облегало ее ноги. Взгляд Дейка задержался на них, скользнул на ее грудь и, поднявшись выше, встретился с внимательным взглядом ее больших голубых глаз.

– Почему вы так задержались?

Его слова прозвучали резче, чем он того хотел. Дейк подошел, чтобы помочь ей вылезти из повозки.

Девушка наклонилась и положила ему руки па плечи, а он обхватил ее талию. Дейк поднял Кару, подержал немного и опустил на землю. Кровь забурлила в его жилах. Он задыхался от волнения.

Рид не получил ответа на свой вопрос. Кара пыталась понять, о чем он спрашивает, но это было нелегко: в ушах у нее шумело, а сердце молотком стучало в груди. Она была потрясена тем чувством, которое вызвала его близость. На мгновение она замерла, стараясь осознать происходящее.

Стоя рядом с Хутером Диксоном, она не ощущала ничего подобного. Ее щеки запылали так, что она прижала к ним ладони. Кара не могла сдержать своего прерывистого дыхания.

Девушка попыталась сообразить, что же он ей сказал. Он

не поздоровался. Не спросил, продала ли она поместье. Даже не поинтересовался, хорошо ли она провела время. Его голос звучал почти зло, но Дейк не отодвинулся от нее. Казалось даже, что ему стоит больших усилий не прижаться к ней еще теснее. Кара подняла глаза и встретилась с его взглядом.

– Мне понадобилось больше времени, чем я думала.

Она опустила глаза и тут же пожалела об этом: Дейк еще не застегнул рубашку.

Девушка вновь взглянула на него: его ресницы были такими темными и густыми, что им позавидовала бы любая женщина. Поглядев на его рот, Кара обратила внимание на то, что Дейк побрился. Его кожа обветрилась: ведь ему часами приходилось бывать на открытом воздухе, но она была гладкой, и, как и у всех мужчин, грубоватой. Ей безумно захотелось погладить его по лицу. От уголков его глаз расходились лучики, хотя она так редко видела его улыбающимся.

Дейк все еще ждал ее объяснений, поэтому Кара заговорила:

– Я не могла вернуться раньше. Миссис Диксон заговорила меня, накормила, а потом подняла настоящий шум по поводу продажи моей земли. Потом я попросила рассказать мне немного об уходе за новорожденным, что она и сделала. Причем наговорила столько, что я и половины не запомнила. А затем Хутер попросил меня прогуляться с ним: он настаивал, чтобы я вышла за него замуж.

– Кто такой Хутер?

– Хутер Диксон. Второй по старшинству.

– Он просил вас выйти за него?

Дейк казался таким удивленным, что, похоже, ей надо было повторить несколько раз, чтобы до него дошел смысл ее слов.

– Да, просил.

– Но вы отказались?

– Да.

– Почему?

– Вы считаете, мне следовало согласиться?

– Нет. Но другая женщина в вашем положении могла бы не удержаться от соблазна ...

– Вы думаете, все, что мне нужно, – это иметь рядом мужчину, который бы заботился обо мне? Я, конечно, не собираюсь до ста лет жить одна, мистер Рид. Но я надеюсь устроить свою семейную жизнь в Калифорнии: там тепло и жить проще. К тому же у Хутера Диксона потные ладони, не хватает половины зубов, и он не просто дурак, а еще и чертов фермер в придачу. Мне это совсем не подходит.

Дейк, к удивлению девушки, расхохотался. Успокоившись, он спросил:

– Так вы продали поместье?

Она улыбнулась с довольным видом.

– Продала. И получила неплохие деньги. Полтора доллара за акр. И я даже уговорила их продать мне эту повозку. Я думала об этом всю дорогу, пока ехала к ним, но не могла

себе представить, как же мы справимся с ребенком, козой, всеми моими вещами и единственным конем.

Дейк принялся застегивать свою рубашку. Потом он заправил ее в брюки, причем кусок остался торчать наружу.

– Я надеялся, вы пока оставите ваши вещи здесь, а потом пошлете за ними, или заберете сами по пути на запад. Вы, правда, думаете, что мы сможем засунуть в эту колымагу все ваши ящики и ребенка с козой в придачу?

Казалось, коза все поняла: она подошла к Дейку и принялась жевать кусок рубашки, высовывавшийся из его брюк. Он шлепнул ее по косматой морде, а коза в отместку боднула его в бок.

– Все влезет, – убеждала его Кара.

– Надеюсь, вы не заплатили слишком много за этот ... м-м-м ... фургон?

Кара тут же обиделась.

– Вам не следует беспокоиться об этом, мистер Рид. Эта повозка – моя, и я оставлю ее себе. А о том, чтобы бросить вещи здесь, и речи быть не может. Если уезжаю я, все уедет со мной.

– Повозка нам понадобится только до Миссисипи. Оттуда мы доберемся до Мемфиса на пароходе, потом – поездом – до Декейтера, если поезда еще ходят.

Радость от удачного приобретения покинула девушку.

– Я и не знала об этом. – Она посмотрела через его плечо на дом.

Испугавшись, что обидел ее, Дейк поспешил добавить:

– Но, конечно, совсем неплохо иметь повозку.

Рид обошел вокруг развалюхи, засунув руки в задние карманы своих штанов. Он осмотрел колеса, тормоза и видавшие виды борта повозки.

– Она нам вполне подойдет. Когда мы доберемся до реки, вы вернете себе каждый цент, который выложили за нее.

Кара снова расцвела.

– Ой, я чуть не забыла, – сказала она и потянулась за маленьким свертком за своей спиной. – Миссис Диксон дала мне индейскую резиновую соску и бутылочку для ребенка. Она сказала мне, когда его кормить, как за ним ухаживать. Ему, оказывается, можно давать маисовую кашу, только она должна быть достаточно жидкой.

– Вы ей доверяете?

– У нее родилось восемь детей, и все они живы.

– Они все так же привлекательны, как Хутер?

Кара переменила тему:

– Как мальчик?

– Я брал его с собой к ручью, помыл там его. Потом я завернул малыша в одеяло и положил спать в тени. А поев, он начинает плакать.

– Его желудок должен привыкнуть к козьему молоку. Ребенка надо после еды подержать вертикально, чтобы вышел воздух.

– Откуда мне было это знать? – защищался Дейк.

– Ну, теперь вы знаете. Что это вы такой вспыльчивый, мистер Рид? Снова хотите есть?

Дейк вздохнул и поставил ногу на колесо.

– Я не привык так долго ждать, Кара. Я не привык ухаживать за ребенком; Я не привык...

Он внезапно замолчал, и девушка решила, что не расслышала окончания фразы.

– Не привыкли – что?

Он посмотрел на хижину и признался ей:

– Беспокоиться. Я не привык беспокоиться о ком-то.

Кара подбежала к нему.

– Вы беспокоились обо мне?

Дейк пропустил ее вопрос мимо ушей, но она могла поклясться, что он покраснел.

– Сколько времени вам потребуется, чтобы собраться? – поинтересовался он.

– Недолго.

– То же самое вы говорили, направляясь к Диксонам, – напомнил ей Рид.

– Но на этот раз вы будете рядом, и увидите, что я не лодырничаю.

> Человека никогда не узнаешь по-настоящему, пока не съешь с ним пуд соли.
>
> *Ненни Джеймс*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошла неделя. Дейк чувствовал себя цыганом, который ведет за собой опостылевший ему табор.

Он натянул поводья, и Генерал Шерман тут же встал на дыбы, что, впрочем, он делал всякий раз, когда получал какую-то команду. Было видно, что конь не в себе так же, как и возница, которому до смерти надоела разбитая повозка, купленная Карой у Диксонов. Когда-то повозка была покрашена в веселенький желтый цвет, но погода явно не пошла ему на пользу. Краска облезла, облупилась, так что повозка стала похожа на увядший подсолнух, который несло по бескрайним просторам между голубым небом и высохшей землей. Дейк с удивлением обнаружил полустертую надпись «Молоко» па борту повозки.

Кара с маленьким Клейтоном сидела на передней скамейке рядом с ним. Все остальное пространство в повозке было занято бочонками и ящиками, в которых лежали ее пожитки. Укладывая их, Дейк все время громко ругался. В ответ он услышал, что ему следует радоваться, что все накопленное Карой имущество влезает в шесть ящиков и два бочонка.

Оставляя поместье Джеймсов, молодой человек понял, что на время путешествия в Алабаму ему придется собрать всю свою волю в кулак. В день их отъезда Каре потребовалось время, чтобы попрощаться с могилами под огромным

орешником. Он старался не ворчать на нее: Рид понимал, что значит навсегда расставаться с миром, привычным с детства. Но все же должен быть какой-то порядок! В армии Дейк всегда был дисциплинированным и пунктуальным. Он собирался выехать, как только соберет все вещи, но в последний момент Кара объявила, что ей еще надо упаковать «кое-какие мелочи».

Кара Джеймс жила в своем собственном ритме – слишком медленном. Она отложила отъезд на три часа. Каждый раз, когда Рид собирался погрузить в повозку какой-нибудь из ящиков, она говорила ему, что ей нужно положить туда «еще вещичку». Он сдерживался до тех пор, пока она не рассмеялась в ответ на его просьбу поторопиться. Кара подбоченилась, покачала головой и произнесла:

– Успокойтесь, мистер Рид. Ведь нам не нужно торопиться к определенному времени в какое-то место, не правда ли? Так зачем беспокоиться о времени?

– Именно в этом ваша проблема, мисс Джеймс, – ответил Дейк.

– Моя проблема?

Она была настолько потрясена тем, что у нее может быть какая-то проблема, что Дейку пришлось ее успокаивать.

– У вас нет никакого понятия о времени. – Дейк вытащил из кармана часы с украшениями. Держа одной рукой поводья, другой он нажал пружину. Крышка часов подпрыгнула, открываясь.

Ему хотелось сказать девушке, что если бы она следила за временем, у нее никогда бы не подгорала еда. Если бы она была пунктуальной, у нее бы хватало времени на все, и ее дом был бы больше похож на нормальное человеческое жилье. Дейк хотел ей объяснить, что если она и в самом деле намерена заняться бизнесом, она просто вынуждена будет обращать внимание на время.

Он начал было высказывать ей все это, но в середине своей лекции прервался: она смотрела на него своими огромными голубыми глазами и улыбалась лучезарной улыбкой. Рид вдруг понял, что она кивала головой и слушала его только для того, чтобы он развеселился.

Остальная часть недели прошла без происшествий. Даже Люси, похоже, смирилась с путешествием, поспевая за повозкой. Но из-за козы Дейку приходилось все время сдерживать Генерала Шермана, пуская его шагом. Если бы не козье молоко, необходимое мальчику, Рид давно бы помог медлительному животному перегрызть веревку и незаметно улизнуть. Коза не только задерживала их: каждый раз, когда молодой человек слезал с повозки, она норовила боднуть его.

Дейк Рид подолгу смотрел на Кару. Он видел, как она инстинктивно прижимала к себе ребенка каждый раз, когда повозка подпрыгивала на ухабах. Кара часами держала Клея на руках и не жаловалась. Ее внимание привлекали окружавшие их пейзажи, поля, поросшие диким луком, посадки дынь. Девушка рассуждала о том, какие дыни выросли из се-

мян, украденных у нее проезжими индейцами.

Дейк верил ей, когда она сказала, что годами не бывала дальше нескольких миль от своей хижины. Все было новым для нее, все ее интересовало. Трудно было представить себе более живое и веселое создание, чем эта девушка.

Рид наблюдал, как Кара прижимала Клея к плечу, поправляя поля своей шляпки, которую она надела, отправившись в путешествие. Впрочем, по наблюдению Дейка, шляпка не могла защитить от солнца ее задорный носик.

– Далеко ли до Поплар-Блаффа? Надеюсь, мы приедем туда к вечеру? – спросила она.

– Если мы не окажемся там за несколько минут до захода солнца, нам придется опять сделать привал.

Дейк заметил, что девушка расстроилась, но не хочет показать этого. Он не переставал удивляться ее жизнелюбию. Позади осталась неделя пути. Теперь он понял, почему ей удалось выжить, в то время как все ее родные умерли. Ничего не могло расстроить Кару: ни ночевки на жесткой земле под повозкой, ни тряска на ухабах и колдобинах, ни ребенок, которого почти все время надо было держать на руках.

Торопясь домой, он все же полагал, что они смогут останавливаться в городах, спать в нормальных кроватях и вообще пользоваться всеми благами цивилизации. Но путешествие сложилось так, что останавливались они изредка и ненадолго. Чаще всего они просто заезжали на часок на какую-нибудь ферму. Женщины-хозяйки ферм всегда с ра-

достью встречали путешественников. Вместе с теплым приемом, который оказывали им эти женщины, они получали ценные советы по уходу за малышом. Женщины нянчились с Клеем и всегда, прощаясь с нашими героями, давали им запас провизии в соответствии со своими возможностями.

Большинство поселенцев, у которых они останавливались, были весьма гостеприимны. В свою очередь, Кара дарила их детям кукол. Ее интересовало, какие из них нравились ребятишкам больше. Она даже советовалась с детьми насчет кукол, а нередко и играла с ними.

Она готовила дичь и рыбу, доила козу, кормила ребенка, стирала пеленки и стояла на часах, чтобы Дейк мог поспать хоть немного. Все это она делала без единой жалобы. Дейк вспоминал своих знакомых женщин: ни одна из них не перенесла бы подобного, а Кара еще и улыбалась. Постепенно он утвердился в мысли, что ее мужество достойно всяческого уважения.

Размышления молодого человека были прерваны звуком ее голоса:

– Как вы думаете, что это такое?

Он обернулся. Нередко перед ними, словно миражи, мелькали леса. Так они и двигались по бескрайним просторам – от леса к лесу.

– Возможно, это Поплар-Блафф. Скоро узнаем. Дейк потянул поводья, подгоняя Генерала Шермана. Тому это совершенно не понравилось.

– Как приятно было бы поспать в настоящей постели, – сказал Дейк.

Он почувствовал, что девушка внимательно смотрит на него, но не отрывал глаз от дороги.

Несмотря на то, что они уже провели столько времени вместе, между ними ни разу не возникло неловкости. У костра они пировали, поедая перепелов и форель. Днем наслаждались пением козодоя и обменивались любезностями. Ночами Кара спала на соломенном тюфяке под повозкой, а молодой человек стоял на часах и поддерживал огонь. Спать он ложился с пистолетом на боку, а рядом клал ружье.

Но теперь, когда перед ними вырисовывался город, они замолчали. Потом Кара произнесла:

– Мы сможем провести там некоторое время, чтобы я могла сделать покупки? Мне нужно купить кое-что, прежде чем мы поедем дальше.

Дейк подумал о ящиках, загромождающих повозку.

– У нас есть время, но нет места.

– Я хочу купить платье и жакет, – сказала она, и, подумав, добавила: – Впрочем, в Калифорнии мне, наверное, не понадобится жакет.

Рид покосился па старую шерстяную шаль, накинутую на ее плечи.

– Вы решили избавиться от денег, полученных за поместье? – Дейк не знал, где она хранит деньги, но подозревал, что она прячет их где-то на себе.

Кара пожала плечами.

– Думаю, не стоит говорить о моей одежде, – сказала девушка, разглаживая руками свое персиковое платье, сменившее те желтые лохмотья, которые были на ней в день их первой встречи.

Это платье – точно так же, как и прежнее – едва прикрывало ей лодыжки. К тому же она отказалась надевать туфли, хотя стало прохладно. Дейк напомнил девушке о змеях, но она заявила, что десять лет жила в доме, в котором под полом было полно змей, – и ничего. Ни одна ее не укусила.

Не желая привлекать внимания к недостаткам ее костюма, Дейк сказал:

– А это платье красивого цвета.

– Оно полиняло. И у меня никогда не было своего платья. Только мамины, перешитые.

Они молчали до тех пор, пока не стали видны дома на главной улице Поплар-Блаффа.

Кара заерзала на твердом сиденье, она думала о том, каково это – пройтись по улицам настоящего города, встречаться с людьми – числом более десятка и не принадлежащими к семейству Диксонов. Впитывать в себя запахи, звуки и виды цивилизации. Детство на востоке она помнила смутно. Освего, ближайшее к их поместью поселение, представляло собой кое-как сколоченные дома, которые ветер и солнце быстро превращали в развалины. Кара едва могла дождаться, когда увидит настоящий город.

Словно чувствуя ее нетерпение, Клей начал визжать и плакать. Кара укачивала его на руках и нашептывала на ушко что-то нежное, рассказывая о приближающемся городе, о том, что они в нем увидят. Она искоса взглянула на Дейка. Тот не отрывал глаз от дороги, но девушка видела, что мысли его были далеко.

Она никогда не встречала человека столь замкнутого и молчаливого. Во время их путешествия он практически ничего не рассказывал о себе. А ей так хотелось знать, всегда ли он был таким, или сейчас просто озабочен приемом, который ему окажут в Алабаме. Он ни разу не упомянул своего брата или женщину по имени Минна, которая позвала его домой.

При въезде в Поплар-Блафф Кара пожелала остановиться и достать туфли. Дейк ждал, переминаясь с ноги на ногу, подкидывая Клея вверх-вниз, чтобы мальчик не выражал свой протест слишком громко.

– Вы нашли их? – Дейк увидел, как в поисках туфель Кара разбрасывает свои вещи в разные стороны.

В ответ он услыхал приглушенный голос:

– Одну. Я думала, у меня пара.

Дейк Рид застыл, пораженный самой постановкой вопроса: она *думала*, что у нее есть пара туфель!

– Нашла! – Девушка подняла свою находку вверх и отбросила непокорную прядь кудрей, которая лезла ей в глаза. – Одну минуточку!

Собрав остальные вещи, она сгребла их и засунула обратно в корзину.

Даже не вспомнив о чулках, она взобралась на сиденье, подоткнула юбку и, не придавая значения тому, что демонстрирует Дейку длину своих ног, начала натягивать туфли.

Из скромности молодой человек отвернулся, но потом украдкой – черт бы побрал эту скромность! – посмотрел на девушку снова. У нее были крепкие, стройные и соблазнительные ноги.

– Черт! – сдерживая дыхание, пробормотал Дейк, отворачиваясь. Она, что, думает – он монах?

Крики Клея перешли в завывания, пока Дейк наблюдал, как Кара борется со своими туфлями, ее юбка была при этом подоткнута почти до пояса. Не в силах больше вынести этого зрелища, он подошел к ней и встал рядом.

– Возьмите, – буркнул он, передавая ей Клея. – Дайте-ка мне вашу туфлю.

Кара отдала ему туфлю и взяла ребенка. Освободив руки, Дейк нагнулся и опустил ее юбку.

– Подержите туфлю.

Молодой человек взял ее за лодыжку, намереваясь скорее надеть ей на ногу туфлю и покончить с этим. Ее кожа была на удивление мягкой. Кончиками пальцев Дейк слегка погладил ее ногу, и его рука медленно скользнула по ступне. Она даже не попыталась отнять у него ногу.

Рид поднял глаза и встретился с ней взглядом. Она смот-

рела на него, слегка приоткрыв губы. Малыш, словно ощутив возникшее между ними напряжение, перестал плакать.

Дейк откашлялся.

– Вы не хотите надеть чулки?

– А у меня их нет, – сказала Кара, облизнув губы.

– О!

– Вы сдавили мне ногу!

Молодой человек отпустил ее ногу и снова попытался натянуть на нее туфлю. Кара успела расшнуровать ее, что должно было облегчить задачу. Но к тому времени, когда туфля, наконец, была надета, он совершенно лишился сил.

На этот раз он не осмелился взглянуть Каре в лицо.

Уставившись на ногу девушки, он протянул руку:

– Дайте мне другую туфлю.

Со второй туфлей было не легче, чем с первой. Выполнив, в конце концов, эту нелегкую задачу, он решил, что зашнуровать чертовы башмаки она сможет сама, но был не в состоянии сразу отойти от повозки.

– Я возьму Клея. Вы сами можете зашнуровать туфли.

Кара вручила ему младенца, и Дейк подоткнул развернувшееся одеяло.

Кара отодвинулась назад. Рид просто подскочил, когда она дотронулась до его рукава.

– Вы в порядке?

Он снова откашлялся.

– Конечно. А почему вы спрашиваете?

– Вы смешно выглядите. Вы заболели?

Отступив на шаг, Рид посмотрел на Клея и пробормотал:

– Если бы так! – Он осмелился взглянуть на девушку и увидел, что она с интересом смотрит на него. – Я в порядке, – громко сказал молодой человек.

– А о чем вы думаете? – Она снова задрала юбку вверх и стала поигрывать носочком правой туфли. – Мне они нравятся, но я терпеть не могу носить обувь. Именно поэтому мои туфли совсем новые. Они ужасно жмут мне. Вилли купил их, когда прошлой весной ездил в город.

Это были самые безобразные туфли, которые Дейк когда-нибудь видел. Он знал, что Минна и в гроб не захотела бы лечь в таких, но не мог же он сказать этого Каре. Черные, тяжелые, они, быть может, подошли бы старухе или старой деве, но уж во всяком случае, не такому юному и жизнерадостному существу, каким была Кара. То, что она так радовалась, напялив эти ужасающие туфли, еще раз наглядно показало ему, как она была оторвана от действительности, живя в глуши.

– Вы, наконец, готовы?

Дейк подумал, что девушка, возможно, захочет умыться и причесаться перед въездом в город. Но она просто кивнула; ее лицо в тени шляпки с полями так и светилось от удовольствия.

– Поехали!

Дейк держал Клей, пока Кара забиралась в повозку и уса-

живалась. Потом она бережно взяла ребенка. Рид уселся на сиденье и взял в руки поводья. Меньше чем через полчаса они уже были в предместьях Поплар-Блаффа около хребта Озарк, как раз над Черной рекой. Главная улица шла вдоль обрыва, давшего название этому городу[4]. Дейк направил повозку вниз по улице. Город был опустошен, здания разрушены, окна разбиты. Эта ужасающая война, почти до основания разрушившая некоторые части штата Миссури, привела к тому, что город был почти безлюден.

Каре хотелось увидеть сразу все. Она радостно улыбнулась и приветливо кивнула человеку с женой, которые ехали в фургоне им навстречу. Витрина магазина приковала ее внимание. Никто другой и внимания на нее не обратил бы, а Кара чуть шею не свернула, оглядываясь назад. Через три дома они увидели, как из обшарпанного салуна вывалились трое мужчин, обросших, одетых в хорошо знакомую Дейку потрепанную серую форму конфедератов. Увидев угрюмую троицу, Дейк забеспокоился.

Это были повстанцы – люди, которым нечего терять, и от которых можно ожидать лишь неприятностей. Эти люди были типичными представителями добровольцев обеих армий. Дейк часто имел дело с подобными личностями в форте Додж. При виде их он сразу подумал о том, как глубока, должна быть, рана от горечи поражения в сердце его брата. Когда один из мужчин, отхлебнув виски из бутылки, скри-

[4] Bluff – обрыв (англ.)

вил губы и нехорошо посмотрел на Кару, Дейк сильнее натянул поводья, и повозка быстро покатилась по Мейн-стрит.

Дейк Рид остановился перед небольшой гостиницей, стоявшей на центральной площади города. Написанная от руки бумажка на фасаде двухэтажного здания извещала, что посетителей ждут чистые постели, горячая еда и комнаты за два доллара двадцать пять центов. Дейк привязал коня и помог Каре спуститься. Девушка откинула назад свою шляпу, и та повисла на тесемках у нее за спиной. Кара с любопытством рассматривала гостиницу. Они прошли по извилистой дорожке, ведущей ко входу. Тут Кара с сомнением посмотрела в глаза Дейку.

– Сколько же стоит остановиться в этом шикарном месте? Похоже, тут все дорого.

С ее точки зрения, все было именно так. Дейк осмотрел обшарпанную гостиницу, а затем перевел взгляд на свои сапоги. Они явно стоили больше, чем отец девушки заработал за всю жизнь. Рид встретил ее встревоженный взгляд.

– Я могу себе это позволить, мисс Джеймс. Вы идете?

Она не двинулась с места. Вместо этого девушка прижала Клея к своему плечу.

– Я сама заплачу за себя.

– Считайте, что это часть наших дорожных издержек. Поскольку я плачу вам за уход за ребенком, я настаиваю на этом. Ведь вам бы не пришлось платить, если бы вы на меня не работали.

В глазах девушки мелькнула обида.

– Хорошо, мистер Рид. Я просто забыла, что вы наняли меня. – Она обошла Рида и направилась в гостиницу.

Дейк попытался остановить ее прежде, чем она войдет внутрь.

– Извините меня, Кара.

Он увидел, что ее глаза были полны слез. Девушка прошептала:

– Я устала, вот и все.

Молодой человек смотрел на нее в растерянности. Она была такой гордой, такой юной, и такой во многих отношениях невинной. А он привык командовать. Отдавать приказания было его второй натурой. Война ожесточила его сердце и приучила к дисциплине. Дейк напомнил себе, что впредь должен вести себя с девушкой по-джентльменски.

– Пойдем, – тихо сказал он.

Она повернулась и, ни слова не говоря, направилась к двери.

Клерку за стойкой было не больше семнадцати. Его волосы были намазаны розовым маслом и зачесаны назад, на рукавах красовались черные нарукавники. Он засунул палец за воротник и тер себе шею в тот момент, когда путешественники появились перед ним.

– Добро пожаловать, – сказал он хриплым голосом. – Добро пожаловать в гостиницу «Птичье гнездо».

Дейк огляделся. Позади стойки виднелась небольшая сто-

ловая. Очень скромная, но, кажется, чистая. Матрона с расчесанными на прямой пробор волосами, собранными в пучок, суетилась около столов. Она посмотрела на них и улыбнулась. Любопытство до такой степени снедало ее, что она забыла о необходимости приготовить к ужину ножи и наблюдала, как путешественники регистрируются.

– У нас есть прекрасная комната с видом на улицу. Она должна понравиться вам и вашей жене, мистер, – предложил юнец.

Кара залилась краской.

Она незаметно подтолкнула Дейка, пока он записывался в регистрационный журнал. Он не обратил внимания, и она схватила его за локоть.

– Что? – спросил он раздраженно, разглядывая ее непонятную подпись.

– Я хочу ту комнату, которая выходит на улицу, – прошептала она. – Я уже предостаточно видела открытых пространств.

– Отлично, – сказал Дейк. Потом, обращаясь к клерку, он добавил: – Мы пойдем наверх и посмотрим комнаты перед тем, как вносить вещи. Здесь рядом есть конюшня?

– В конце улицы. С правой стороны. – Молодой человек, который минут десять таращился на Кару, дал, наконец, Дейку ключи.

Испытывая непреодолимое желание сказать юнцу, чтобы он прекратил пялить глаза на девушку, Дейк отступил

на шаг, пропуская Кару вперед. Когда она проходила мимо него, Дейк обнял ее за плечи.

Девушка похолодела от его прикосновения. Дейк сам был удивлен своим поступком. Но, оглянувшись назад, он увидел, что молодой человек уже забыл о Каре и внимательно изучает его неразборчивую подпись в журнале.

Их комнаты были наверху. Дейк повернул ключ и распахнул дверь первой комнаты. Прижимая Клея к плечу, Кара вошла внутрь.

– Тут здорово, – прошептала она.

– Все будет хорошо, – сказал Дейк девушке.

Как и обещала надпись внизу, постель была чистой. Такими же были и прозрачные голубые занавески на окнах. Лоскутный плед и умывальник довершали картину. Дейк подумал, что его комната, должно быть, как две капли воды похожа на эту.

Кара уложила малыша на кровать и остановилась посреди комнаты. Дейк осмотрел кровать, умывальник и окно.

– Пойду в конюшню устроить Генерала Шермана и мисс Люси. Когда я вернусь, мы спустимся пообедать.

В дверях он задержался:

– Совсем забыл: вам нужно что-нибудь в повозке?

Кара потрогала лоскутный плед.

– Вы помните, за передним сиденьем был маленький бочонок?

Рид кивнул. Без сомнения, он знал все ящики и бочонки:

ведь в пути ему с утра до вечера приходилось без конца двигать, открывать и закрывать их.

– Там моя расческа – наверху. И ... – она покраснела. – И белье. И можете принести тряпок на пеленки. – Дейк уже было отправился, но Кара добавила: – Да, и немного консервированного молока и бутылочку. Я ее забыла.

– Хорошо. – Он снова пошел к двери, но опять остановился и сказал: – Может, вы захотите помыться перед обедом?

Потом, зная, что она наверняка потеряет счет времени, он достал часы, засек время и положил их на туалетный столик.

– Я вернусь ровно через тридцать минут. Ни раньше, ни позже.

Кара скрестила на груди руки и скривила рот.

– Я учту, – проговорила она.

И прежде чем она успела сказать, что думает о его привычке раздавать приказы, будто он генерал какой, Дейк закрыл за собой дверь.

Кара не могла допустить, чтобы Дейк Рид портил ей настроение, когда ей так хотелось наслаждаться жизнью. После его ухода она закружилась на месте, испытывая желание заплясать.

Даже замечание Дейка насчет мытья не могло сейчас омрачить ее счастья. Помня о времени, она развязала шляпу и бросила ее на кровать, потом схватила кувшин для воды, стоявший на умывальнике. Ей понравился тяжелый сосуд, вручную расписанный лилиями. Она налила теплой во-

ды в большой таз, закатала рукава, намылила руки и принялась отмывать дорожную пыль, покрывавшую ее лицо, ладони и руки. Влажным полотенцем она протерла шею и грудь в квадратном вырезе персикового платья. Закончив, она увидела, что вода и полотенце почернели.

Пока Клей мирно спал, Кара высунулась в окно проверить, не видит ли ее кто-нибудь. Вокруг больше не было двухэтажных домов. Девушка выудила тряпичный кошелек, который она изнутри привязала к платью. Аккуратно отстегнув его, она развязала шнурок и рассыпала деньги по покрывалу. На следующий день, перед отъездом, она намеревалась упросить Дейка дать ей немного времени на покупки. Она пересчитала деньги, полученные за поместье, и решила, что каждый пенни истратит с умом.

Кара оставила себе денег, чтобы заплатить за обед и комнату, а затем снова пристегнула кошелек к поясу. Спрятав его в складках юбки, она опять почувствовала себя легко. Девушка подошла к изголовью кровати, стоявшей у окна, и уселась осторожно, чтобы не разбудить младенца. На душе у нее было радостно. Она наблюдала, как по Мейн-стрит проехал фургон. Она решила, что ничего не может быть лучше комнаты с хорошим видом. В Калифорнии она будет настаивать, чтобы ей дали комнату с видом на океан.

– Вы уверены, что здесь негде купить готовое платье?

Дейк стоял в магазине, рассматривая рулоны тканей, вы-

ставленные на продажу. Ему понравились тряпичные и клетчатые пледы. Лавочник уставился на молодого человека с таким видом, будто тот просил луну с неба.

Потом старик покачал лысой головой. Он оглядел Дейка с головы до ног, посмотрел на его новые сапоги, на рубашку – мятую, но явно новую, на дорогую шляпу.

– Откуда вы, мистер? Эта местность была разорена во время войны. После отступления мы радуемся всему, что у нас есть. В городе была портниха, но когда убили ее мужа, она уехала. Отправилась к овдовевшей сестре.

Война. Все, что было в форте Додж, – кофе, сахар, индейское одеяло для Клея – недоступно остальным. У него есть деньги, но купить на них нечего.

– У меня есть табак, – с надеждой предложил лавочник.

Недостаток Дейка был в том, что он не курил и не жевал табака. Молодой человек поблагодарил старика и вышел из лавочки.

Дейк Рид понимал, что девушке необходимо купить платье. После их спора об издержках он побаивался ее реакции на такой подарок. Но, зная, что им придется по двадцать четыре часа проводить вместе, он хотел, чтобы она была закрыта с головы до ног. Ее персиковое платье не только полиняло: оно было ей явно мало, не закрывало лодыжек, обтягивало ее высокую, упругую грудь, которая оказалась на удивление налитой. Увидев ее в этом платье без шали, Дейк понял, что она была не такой уж хрупкой, как ему показалось вначале.

Он вспомнил, что платье, в которое Кара была одета в день их знакомства, размера на два больше, чем надо.

Дейк чуть не застонал, вспомнив ее округлые формы и длинные ноги. Он считал себя человеком, умеющим владеть собой, но Кара Джеймс понятия не имела о том, что может произойти с мужчиной при виде ее обнаженных ног.

Дейк не был святым. Только слепец мог не обращать внимание на все ее прелести. И для них обоих будет лучше, если он купит ей длинное закрытое платье.

Кара ждала его с таким нетерпением, что, когда он вернулся и подошел к ее комнате, она распахнула дверь, не дожидаясь стука. Первое, что он заметил, – ее чистое лицо. А вырез ее платья показался ему еще более соблазнительным, чем прежде.

Не дав ему войти, девушка спросила:

– Где вы были? – Она держала в руках часы. – Вы на десять минут опоздали. После всех этих ваших разговоров о пунктуальности, я решила, что с вами что-то произошло.

Дейк перекинул все вещи, которые держал, с одной руки на другую, отстранил Кару и подошел к кровати. Клей проснулся. Присев, Дейк положил на кровать тряпки для пеленок и щетку Кары с застрявшими в ней кудряшками. Молодой человек аккуратно положил бутылочку на пеленки перед тем, как ответить.

Банка с консервированным молоком скатилась с кучи бе-

лья. Дейк подобрал ее, взял у Кары часы, спрятал их в карман и сказал, даже не извинившись за опоздание:

– Вы готовы спуститься вниз на ужин?

Кара взяла свою щетку.

– Как вы думаете, сколько это будет стоить?

Дейк сел на край кровати и стал играть с пальчиками Клея. Но перед глазами у него все еще была ее грудь в вырезе платья.

– Что вы сказали?

Кара вздохнула:

– Ужин. Сколько он будет стоить, как вы думаете?

Щетка запуталась в ее волосах, и ей стало больно.

Кара пыталась высвободить свои кудри.

– Может, вы выясните это? У дураков деньги не задерживаются, вы же знаете, но я не собираюсь расстаться со всеми своими сбережениями за один день.

Молодой человек встал и подошел к ней, чтобы помочь ей вытащить щетку из волос. Он повернул Кару к себе спиной, стараясь поменьше прикасаться к ней. Медленно, осторожно, он освобождал запутавшиеся в зубцах локоны, до тех пор, пока не освободил все. Он не мог ничего с собой поделать: ему доставляли удовольствие прикосновения ее шелковых волос. Волосы Кары липли к нему, словно намагниченные.

– Я заплачу за ваш ужин, мисс Джеймс.

– Я сама могу о себе позаботиться.

Молодой человек знал, что она считает каждый пенни из тех денег, которые ей заплатили за поместье. Они нужны были ей для того, чтобы устроиться на новом месте, когда их путешествие закончится. Он также понимал, что она была горда. Ведь она обиделась, когда он всего лишь назвал ее служанкой.

Как можно мягче Рид сказал:

– Я не ожидал, что вы будете нести расходы, пока заботитесь о мальчике.

Она все еще стояла спиной к нему. Дейк взял ее за плечи и повернул к себе лицом, заставив посмотреть на него. Ее глаза цвета канзасского неба заворожили его. Потрясенный ее взглядом, Дейк отдал щетку, сжал руки в кулаки и резко отступил.

Кара взволнованно смотрела на Рида. Она тоже была поражена, почувствовав, как разливается тепло в глубинах тела. Ей безумно захотелось погладить его темные волосы, прижаться щекой к его щеке и найти укрытие в его объятиях. Она пыталась отогнать от себя недозволенные мысли. А Дейк тем временем склонился к мальчику, чтобы поменять мокрые пеленки.

Овладев собой, Кара осторожно положила щетку на умывальник. Затем она подняла с пола полотенца и сложила их на кровать. Ей нужно было чем-то заняться, чтобы не думать о Дейке Риде.

Пока молодой человек пеленал ребенка, она дала себе сло-

во стать более пунктуальной. По сути, Рид был, как он только что грубо напомнил ей, ее нанимателем. Но если ей не удастся совладать с этим странным физическим возбуждением, или, еще того хуже, если он вдруг заметит его, их добрым отношениям грозит опасность.

У нее свои планы, в которых Дейку Риду места не было.

Кара наблюдала, как молодой человек бережно поднимает ребенка на руки. Она подумала о том, каково бы ему было везти мальчика в Алабаму одному, без ее помощи. Ради Клея она обязана подавить эти свои непонятные ощущения, сказала она себе.

Ей придется следовать еще одному совету Ненни Джеймс:

Стой прямо, веры не теряй,
Гроза минует тебя, знай!

Если бы только ее тело тоже подчинилось этому совету!

Если хочешь занять место под солнцем, тебе не избежать ожогов.
Ненни Джеймс

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Так вы говорите, эта женщина хочет продать свою одежду? – покачала Кара головой, не веря в такую удачу.

Ожидая Дейка в маленькой, просто обставленной столовой «Птичьего гнезда», девушка разговаривала с хозяйкой, женщиной средних лет. Они уже видели ее, когда записывались в регистрационную книгу. Миссис Клео Хардести сообщила Каре, что в Поплар-Блаффе уже нет портного, но, по ее словам, одна вдова хотела бы продать кое-что из своих вещей.

Хозяйка взяла стул и придвинулась к Каре.

– Это точно, что она продаст. Бедняжка приехала в город с мужем и двумя детьми – мальчиком и девочкой. Все они болели. Озноб, лихорадка, расстройство желудка. Три дня они не появлялись: сначала умер муж, потом мальчик. В жизни не видала ничего печальнее. Сейчас они в доме священника, продают едва ли не все вещи, чтобы па вырученные деньги вернуться в Нью-Гемпшир.

Кара почувствовала симпатию к этой незнакомой вдове, которая потеряла почти все. Она вспомнила, как ухаживала за своей матерью во время ее болезни. Все было так похоже!

– Как жаль эту женщину, – сказала девушка.

– В последнее время мы здесь немало пережили, – добавила миссис Хардести. – А куда вы с мужем направляетесь?

– О, он мне не муж, – сказала Кара.

Миссис Хардести нахмурилась. Она взглянула на младенца, которого Кара прижимала к груди.

Осознав свою ошибку, Кара добавила:

– И это – не мой ребенок.

– Не ваш?!

Девушка попыталась улыбнуться. Миссис Хардести, в темных волосах которой белела седина, продолжала сидеть напротив нее, но смотрела на Кару такими г лазами, словно у той выросли рога.

– Дейк, то есть мистер Рид, нашел младенца возле его умирающей матери через несколько минут после его рождения. Перед смертью женщина попросила доставить малыша в Алабаму. Поэтому-то мистер Рид и направляется на юг: он поклялся этой женщине выполнить ее просьбу. А меня Дейк нанял, чтобы я ухаживала за Клеем по дороге.

Было ясно, что женщина не поверила ни одному ее слову.

– Мы живем в отдельных комнатах, – добавила Кара.

– Люди с детьми часто занимают две комнаты.

Пытаясь сдержать себя, Кара сказала:

– Могу вас уверить, что я живу в комнате одна, миссис Хардести.

Повисло неловкое молчание. Кара покраснела, но не опустила глаз. Ей нечего было стыдиться, даже когда под многозначительным взглядом хозяйки она вспомнила, как Дейк взволновал ее. Девушке хотелось, чтобы он пришел поскорее

и помог ей выпутаться из этой неприятной ситуации.

Наконец пожилая женщина кашлянула.

– Мистер Рид – приятный мужчина, – сказала она.

Кара покачала ребенка на руках и ничего не сказала.

Засопев, дама продолжила:

– Похоже, несмотря на войну, он неплохо жил.

– Он был офицером в юнионистской армии – еще несколько дней назад.

Миссис Хардести подскочила на своем стуле. Встав, она принялась точить и без того острые ножи.

Кара оглянулась и с облегчением увидела молодого человека, входящего в столовую. Его уверенная походка, улыбка, осветившая его лицо, когда он увидел ее, успокоили девушку. Она с облегчением улыбнулась. Он кивнул миссис Хардести после того, как Кара представила его, и сел за стол рядом с ней.

– Миссис Хардести и ее сын Бобби приобрели эту гостиницу лишь несколько месяцев назад, – сказала Кара, стараясь поддерживать легкую беседу.

Миссис Хардести впилась взглядом в Дейка с таким выражением, словно тот посадил жирное пятно на ее новую скатерть.

Хозяйка наклонилась вперед. От ее платья шел тяжелый дух пота, перемешанного с запахом туалетной воды.

– Я как раз собиралась сказать мисс Джеймс, что ей не следует говорить всем и каждому, в особенности в некото-

рых частях штата Миссури, на чьей стороне вы сражались во время войны.

Рид поглядел на Кару. Она была поглощена тем, что укутывала ножки Клея в одеяло. Подняв глаза, она заметила, что Дейк больше не улыбался.

– Нет, мэм. Я уверен, она больше этого не сделает, – согласился Дейк, помрачнев.

Кара быстро пихнула его под столом.

Дейк и бровью не повел. Вместо этого он переменил тему:

– Может быть, вы скажете нам, что у вас на обед? Миссис Хардести охотно сообщила, что на обед будут свиные котлеты, картофельное пюре, соус, бисквиты и зеленая фасоль, которую она «вот-вот» подаст им. Дейк уверил ее, что он с нетерпением будет ожидать угощения, и хозяйка отправилась на кухню.

Когда женщина исчезла за захлопнувшейся дверью, Кара прижала ребенка к своему плечу и посмотрела Дейку в глаза – в первый раз с тех пор, как он уселся за стол.

– Извините, – медленно начала она. – Я не подумала, что не следует говорить ей, что вы только что из юнионистской армии.

– Там, куда мы направляемся, лучше всего вообще об этом помалкивать. Вы же видели сегодня этих бездельников на улице. На них все еще лохмотья формы конфедератов. Для таких людей самое милое дело доставить неприятности тем, кого они считают своими противниками. Большинству

из них терять нечего.

Кара знала, что он тревожился не за себя. Она бы прозакладывала свою ферму – если бы та еще у нее была, – что Рид из тех мужчин, которые вообще ничего не боятся.

– Но Миссури был юнионистским штатом, – напомнила она ему.

– Верно, но не всех это радует.

Дверь кухни распахнулась, и миссис Хардести внесла две тарелки с едой, от которой исходил упоительный аромат.

– Я хочу выехать завтра пораньше. Не позже семи, – сказал Рид девушке.

Он взял вилку и придвинул к себе тарелку. Свиные котлеты были отлично приготовлены, зеленая фасоль поблескивала в растаявшем масле, а бисквиты были покрыты румяной корочкой.

Кара подумала, что она в жизни не ела ничего лучше. Ее рот наполнился слюной при одном взгляде на тарелку. Мысленно она произнесла благодарственную молитву. Еда явно была гораздо вкуснее той, что она готовила во время путешествия.

Дейк разломил пополам слоеную булочку.

– Вы *можете* быть готовой вовремя?

Опять вовремя!

– Я буду готова, – пообещала Кара.

Каблуки уродливых туфель стучали по пустынной доре-

вянной мостовой. Кара несла узел, в котором лежали поношенные платья и довольно посапывающий маленький Клейтон. Она с интересом рассматривала Мейн-стрит. Лавки и магазины еще не открылись, но когда она проходила мимо галантерейной лавки, кто-то приподнял изнутри штору на парадной двери. Кара улыбнулась человеку, смотревшему на нее из темноты, и прибавила шагу. Ей очень хотелось остановиться, но она не должна была заставлять Дейка ждать, тем более что он назначил точное время отправления.

Девушке казалось, что было уже почти семь, но нельзя было сказать с уверенностью: солнце в тот день решило не появляться, скрываясь за тучами. Она запахнула полы только что купленного шерстяного жакета, довольная тем, что ей удалось уговорить его прежнюю владелицу продать кофту вместе с платьями, которые, к счастью, были подходящего размера. Торопясь, чтобы успеть переменить свое персиковое платье, Кара осторожно обошла ступеньку в конце улицы и решила взглянуть еще на пару магазинов перед тем, как вернуться в гостиницу.

Озабоченная тем, чтобы не выронить узел с платьями и Клеем, она не сразу заметила двух мужчин, которые внезапно выросли у нее на пути. Увидев их, она неосознанно улыбнулась, как улыбалась всем встречным, – такое у нее было радужное настроение.

Но ее улыбка тут же погасла: в этих мужчинах она узнала двоих из тех, что вывалились из салуна, когда накануне они

с Дейком въезжали в город. От страха у нее волосы встали дыбом.

– Куда торопишься, крошка?

Более высокий подошел к ней вплотную – так близко, что она почувствовала запах спиртного, исходящий от него.

Кара оглядела улицу. Вокруг не было ни души. Девушка понимала, что ей не убежать от них с узлом платьев и малышом на руках. Поэтому она решила идти напролом. Она вздернула подбородок.

– Я направляюсь в гостиницу. А теперь, джентльмены, позвольте ...

К двум хулиганам присоединился третий. Во рту у него почти не было зубов. Он взял за локоть человека, который первым заговорил с девушкой.

– Слышь, Конни? Она назвала нас «джентльмены». Давненько я такого не слыхал.

– Да потому что ты никогда им не был!

Кара быстро оглядела говорившего и отвернулась.

Он был гораздо крупнее двух других – и это ее пугало. В его глазах была угроза, он оценивающе осматривал ее.

Никто не двинулся, чтобы пропустить Кару. Она посмотрела в переулок слева от себя и крепче прижала к себе мальчика. Он хныкал, но не кричал.

– А где твой мужик?

Тот, которого называли Конни, снова склонился к ней и стал на нее наступать. Кара попятилась, но за спиной у нее

стоял беззубый.

– В гостинице. – Сообразив, что не надо было в этом признаваться, она добавила: – Он встретит меня через две-три минуты.

Конни прекрасно понял, что его обманывают. Он криво ухмыльнулся.

– Похоже, даме тяжело, – сказал он остальным. Здоровяк шагнул вперед. Кара крепче прижала к себе Клея и платья.

– Дайте мне пройти.

– Похоже, ты нервничаешь, малышка, – сказал Конни, снова делая шаг вперед.

Кара отступала назад до тех пор, пока не уперлась спиной в стену дома. Она собрала всю свою волю, чтобы не показать страха, который сковывал ее.

Конни кивнул на нее:

– Помоги-ка даме, Риттер.

Неуклюжий тип в изодранной форме конфедератов протянул руки, чтобы отнять у Кары узел.

– Прекратите! – потребовала она, пытаясь оттолкнуть их.

Риттер схватил узел вместе с лежащим в нем ребенком. Кара выворачивалась, пытаясь спасти Клея от грязных рук Риттера. Она начала было кричать, но Конни вплотную подошел к ней и заставил ее замолчать, закрыв ей рот широкой ладонью.

Риттер отнял у нее узел. Он глаза вытаращил, увидев среди платьев ребенка, который тут же принялся плакать.

– Черт возьми, здесь ребенок! – воскликнул он, как будто увидел привидение.

Тощий молодой парень, у которого не хватало половины зубов, обеспокоенно огляделся вокруг и прошептал:

– Пошли, Конни! Она этого не стоит.

– Ну и убегай, трус паршивый! А мне она чертовски подходит!

Кара продолжала сражаться, пытаясь вырваться. На какое-то мгновение ей это удалось: она как следует дала ему по голени, еще раз мысленно поблагодарив Вилли за тяжелые туфли; Конни застонал. Девушка взглянула на того, которого дружки называли Риттером: это он неуклюже держал мальчика.

– Да заткни ты этого ублюдка! – хрипло заорал Конни, подталкивая Кару в глубь переулка.

– Как?

– Как хочешь!

Кара упиралась, но он был гораздо сильнее нее. Его рука по-прежнему зажимала ей рот с такой силой, что у нее заболели губы. Девушка слышала сдавленные крики мальчика. Когда Конни толкнул ее к стене, она попыталась увернуться и поцарапала щеку о грубую деревянную стену, покрытую белой штукатуркой.

Кара ощущала смесь запахов виски и пота. Она снова и снова пытал ась кричать сквозь его руку. Девушка извивалась, крутилась и, в конце концов, подняла вверх колено, пы-

таясь ударить его и освободиться. Ничего не вышло.

Человек, называвший себя Конни, громко расхохотался развратным, ликующим смехом.

– Видал тебя вчера с твоим франтом, когда вы въезжали в город, – сказал он, касаясь своей жесткой бородой ее щеки, в то время как рука его стала шарить у нее под кофтой. Он быстро нашел завязки персикового платья. – Он похож на богатого северянина-янки.

Кара трясла головой, чтобы оттолкнуть негодяя.

Что с Клеем? Было ли это тихое мяуканье его плачем, или он замолчал? Неужели этот здоровяк с дьявольскими глазами будет так жесток, что хладнокровно убьет ребенка?

Конни, подонок, порвал платье до пояса, и звук рвущейся ткани так потряс ее, что на мгновенье она прекратила борьбу, не веря, что все это в самом деле происходит с ней. Она посмотрела через плечо Конни и встретила взгляд Риттера, который караулил в конце переулка. Был ли мальчик еще у него в руках? Третий человек с издерганной корявой физиономией стоял за правым плечом Конни и пялился на ее обнаженную грудь.

– Я передумал, – сказал он сипло. – Давай пошевеливайся, чтобы я тоже смог побаловаться с ней.

Когда Конни опустил голову, Кара почувствовала, что его жесткая борода царапает нежную, чувствительную кожу ее груди. Кара видела кусочек неба между домами и начала горячо молиться о спасении. Когда его потная рука оказалась

у нее под юбкой и стала стаскивать тоненькие ношеные панталоны, что-то оборвалось у Кары внутри. Она стала вырываться и драться из последних сил.

Дейк в третий раз постучал в дверь комнаты Кары, а потом нажал на ручку. Она легко подалась. Он вошел в маленькую комнатушку, точь-в-точь такую же, как его собственная, с той лишь разницей, что в его комнате был идеальный порядок. Поперек комнаты Кары висела веревка, натянутая между окном и умывальником, на ней сушились пеленки. Ящик комода, который она явно использовала как кроватку для мальчика, стоял на полу возле ее кровати.

Дейк покачал головой. Декорации были на месте; не хватало лишь действующих лиц – Кары и Клея. Решив, что его разговоры о точности возымели действие, он подумал, что она уже спустилась вниз к завтраку. Не желая оставлять ее надолго с не слишком-то радушной миссис Хардести, он сам поспешил следом за ней, оставив неприбранную комнату.

По лестнице распространялся запах бекона. Держа шляпу в руке, он подошел к столовой. Миссис Хардести суетилась у стола, готовя завтрак, но ни Клея, ни Кары в комнате не было.

– Вы утром видели мисс Джеймс, мэм?

Скептический взгляд, которым миссис Хардести его наградила, показал: она считает, что Дейк нарочно спрашивает ее об этом, притворяясь, будто не видел девушку с вечера.

Потом, отряхнув фартук, она сказала:

– Вчера я рассказала ей об одной вдове, что живет в доме священника. Та пытается продать кое-что из одежды. Думаю, мисс Джеймс пошла туда.

– А вы не видели, как она уходила?

– Нет, сэр, не видела. Вчера перед ужином она спросила меня, где это. Если вы пойдете за ней, то надо идти вниз по улице, пройти три квартала, а затем повернуть направо.

Дейк кивнул, поблагодарил женщину и, выходя из столовой, надел шляпу. Похоже, в Поплар-Блаффе двери раньше восьми не открывали. Пройдя полквартала, он увидел полускрытую в тени фигуру мужчины, который стоял, прислонившись к стене одного из домов. Несмотря на то, что видавшая виды шляпа была надвинута на брови, он узнал в этом человеке одного из трех бродяг, которых они вчера встретили на улице. Дейк отошел в сторону, нащупывая в кармане холодную гладкую рукоятку своего пистолета. Он поправил шляпу и поежился, но уверенно продолжил свой путь.

Человек, стоявший в начале переулка, исчез. Что-то было в этом странное. Рид не хотел ввязываться в историю, но все показалось ему слишком подозрительным, поэтому он прибавил шагу.

Когда улицу огласил крик, его кровь похолодела. Семь лет военного опыта дали о себе знать. Он схватил пистолет и мгновенно вытащил его из кобуры.

Сквозь шум борьбы, доносившийся из переулка, кто-то

закричал:

– Оставь ее! Янки идет!

Оглянувшись назад, Дейк подбежал вплотную к стене дома, стоявшего на углу. Взведя курок и подняв пистолет, молодой человек осторожно выглянул за угол, но тут же отпрянул назад, услышав резкий хлопок пистолетного выстрела. Пуля прошла рикошетом по стене над его головой. Посыпались щепки.

В считанные секунды Дейк сумел оценить ситуацию. В переулке были трое мужчин. С ними боролась женщина, но ее не было видно. Самый толстый из троих был прекрасной мишенью. Дейк приблизился и выстрелил, попав в огромную, похожую на медведя фигуру. Женщина не пострадала. Если он зацепил этим выстрелом еще кого-то из них, – пусть. Он глубоко вздохнул и, бросившись на середину переулка, прокатился по земле.

Достигнув безопасного места на другой стороне переулка, он сделал еще три выстрела, услыхал вопли, приглушенную мужскую ругань, а затем топот удаляющихся ног. Взглянув за угол, он увидел, как двое мужчин исчезли за домами. Его мишень неподвижно лежала посередине переулка.

Дейк кинулся вслед за ними, но вдруг заметил кудрявые золотые волосы женщины, свернувшейся в комок у стены. Забыв про преступников, он бросился к ней, засунул пистолет в кобуру и сел перед женщиной на корточки.

– Кара? – Руки Дейка, ни разу не дрогнувшие на войне,

задрожали, когда он дотронулся до девушки.

С широко открытыми и испуганными глазами, она оттолкнула его руки. Ее голова раскачивалась, как у китайского болванчика. Девушка прошептала:

– Прекратите! Прекратите! Нет!

– Кара, это я.

Она оттолкнула его с такой силой, какой он даже в ней не подозревал, и попыталась приподняться, опираясь о стену. Она была в состоянии настоящей истерики. Дейк взял ее за плечи, заставляя взглянуть на него. Девушка принялась кричать.

Рид удерживал ее сильнее, чем требовалось. Она билась, как раненая птица, и так содрогалась от рыданий, что он уселся прямо на землю и уложил Кару себе на колени. Девушку трясло, и он едва удерживал ее. Дейк откинул волосы с ее лица, взял пальцами за подбородок и заставил посмотреть па себя.

В конце переулка появились двое мужчин. В одном из них Дейк узнал лавочника. Они бросились было к ним, но, увидев, что Кара судорожно вцепилась в Дейка, остановились на полпути. Она спрятала лицо у него на плече. Недалеко от них лежал труп.

– Ч то случилось?

– По-моему, и так все ясно, вы что, не видите? – Он закрыл рукой лицо Кары, защищая ее от любопытных взглядов. В конце переулка уже собралась небольшая толпа.

– Их было трое. Двое убежали. – Дейк кивнул в противоположную сторону переулка.

– Я приведу шерифа, – предложил лавочник. Он протолкался сквозь толпу; сзади мелькали лишь завязки его фартука.

– Вы убили его, мистер, – сказал другой человек Дейку. Впрочем, говорить это не было необходимости.

Рид увидел, что этот человек оглядел труп, обошел вокруг него, пнул его ногой ... Потом он выпрямился. Вдруг Кара, которую Дейк все еще держал в руках, сильно напряглась. Она осознала, что ее платье разорвано от шеи до талии. Девушка отпрянула от Рида. Ее пальцы вцепились в его запястье.

– Где Клей?

– О Господи! – пробормотал оторопевший зевака, увидев обнаженную грудь девушки.

Дейк бережно запахнул кофту у нее на груди. Ярость закипела в нем, когда он увидел на ее коже цвета слоновой кости багровые синяки и следы зубов.

– Где Клей?! – закричала она в панике, откинула волосы назад и попыталась встать с его колен. – Они забрали его!

Дейк покачал головой.

– Я видел, как они убегали. Малыша у них не было.

От страха за ребенка Кара словно обезумела; ее глаза были широко открыты.

– Где же он?!

Звук ее голоса эхом отозвался от деревянной стены дома, стоявшего на противоположной стороне. Миссис Хардести, стоявшая в конце переулка, протолкалась сквозь толпу и бросилась к свертку с одеждой, который лежал у стены. Удивленный тем, что женщина ее комплекции могла двигаться так быстро, Дейк замер. Но вот она повернулась к ним с торжествующей улыбкой: из кучи вещей женщина извлекла мальчика.

– Он здесь! Мой золотой! Не беспокойтесь, мисс Джеймс!

Ни в ее голосе, ни в выражении лица не было ни капли враждебности, когда она подошла к Каре и Дейку с ребенком на руках. Миссис Хардести быстро оглядела Кару и прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.